

Ура

Б Е З Г Л Я Н Ц А

ПРОЕКТ ПАВЛА ФОКИНА

Павел Евгеньевич Фокин
Чехов без глянца
Серия «Без глянца»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8209317
Чехов без глянца ; [сост., вступ. ст. П. Фокина]: Амфора; Москва; 2010
ISBN 978-5-367-01444-0

Аннотация

Чехов – одна из тех фигур в истории культуры, которая всегда вызывает неподдельный интерес. Каким же был человек, сделавший так много для русского образа и русского слова? Что им двигало, к чему он стремился? Почему соединил собой два столь разных века? Ответы на эти вопросы и содержатся в свидетельствах современников. Часть воспоминаний приводится десятилетия спустя после их написания.

Содержание

Собиратель осколков	5
Личность	10
Облик	10
Характер	14
Творчество	17
Собеседник	22
Особенности поведения	24
Шутки, розыгрыши, импровизации	27
Жизненная позиция	33
Благотворитель	35
Общественный деятель	38
Врач	40
Больной, его болезни и лечение	42
Вера	46
Цветовод и садовник	48
С братьями меньшими	50
Охотник, рыболов, грибник	53
Интересы, увлечения и развлечения	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Чехов без глянца

сост. Павел Фокин

*Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»*

© Фокин П., составление, вступительная статья, 2009

© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2010

* * *

Памяти Тамары Львовны Вульфович с благодарностью

Собиратель осколков

...Любимое мое занятие – собирать то, что не нужно (листки, соломку и проч.), и делать бесполезное.

А. П. Чехов.

Из письма Л. С. Мизиновой

Жизнь Чехова соткана из противоречий.

Великий жизнелюб, он был обречен угасать годами в изнурительной болезни, сведшей его в преждевременную могилу.

Автор искрометных юмористических рассказов и водевилей общественным мнением оказался зачислен в разряд пессимистов.

Его популярность среди читателей была исключительной, критика же долгое время не хотела признавать в нем серьезного таланта.

Мечтал написать роман – и всю жизнь сочинял рассказы и повести.

К театру относился с нескрываемым скепсисом, но стал выдающимся драматургом.

Трудоголик, он более всего на свете любил праздность.

Вокруг него непрестанно клубились компании, заводить которые он был большой охотник, впрочем, держался в них особняком, постоянно покидая общество и уединяясь в кабинете.

Говорил «живо, хотя бесстрастно, без какого бы то ни было лирического волнения, но все же не сухо» (Ф. Ф. Фидлер «Из дневника»).

Смеялся до слез.

Смешил с серьезным видом.

На его розыгрыши и прозвища никто не обижался.

Зарабатывал много, однако так никогда и не обрел материальной стабильности.

Совершил путешествие вокруг света, одолел Сибирь, Дальний Восток, Тихий и Индийский океаны, поднялся на Везувий и исследовал парижское дно, чтобы через год на несколько лет осесть в деревне, «где всё в миниатюре».

Рассчитывал обрести в ней покой для уединенного творчества, но очень скоро превратился в уездного доктора, к тому же еще случилась эпидемия холеры, которая потребовала ежедневных разъездов и неустанных хлопот.

Лечил неохотно, но эффективно.

Прекрасно зная все последствия своей болезни, за врачебной помощью обращался только по принуждению.

Проницательные глаза поразила близорукость.

Понимал толк в еде, здоровье же требовало диеты. Даже от любимых сигар пришлось отказаться.

Увлечение рыбной ловлей не отменяло интереса к рулетке.

Жаждал высокой любви, не пропуская в то же время мимо ни одной милой дамочки, да и платными услугами не брезговал.

С женой предполагал жить раздельно, а когда наконец связал себя узами брака, тяготился постоянными разлуками.

Парадоксы чеховской судьбы и личности можно продолжать и множить.

Он родился в Таганроге, на самой окраине России – в городе, который мог стать столицей империи.

Он вырос между морем и степью.

Смышленный и любознательный, с замечательной памятью и вниманием, в гимназии особыми успехами не отличался.

Выходец из низкого сословия, поражал всех благородством и подлинным аристократизмом.

«Происходя из крестьян, Чехов не слишком уважал народ, он видел насквозь и достоинства его, и грехи» (М. О. Меньшиков).

Демократ по духу и образу жизни – революционеров не поддерживал, более того, сотрудничал с консервативным «Новым временем», а «марксистом» называл себя только в шутку, в честь книгоиздателя Маркса, от которого получил капитал за права на собрание сочинений.

Прекрасно знал церковную службу, жития святых, быт и нравы клира, уважал священников, посещал монастыри – колокольный звон пробуждал в нем радость и умиление, – тем не менее склонен был к атеизму и материализму.

Его интересовали кладбища и цирк с «клоунами, в которых он видел настоящих комиков» (А. С. Суворин).

Его притягивала кипучая жизнь Петербурга и Москвы, а он томился в захолустной Ялте.

Любил Россию и восхищался Европой.

Иностранным языкам обучен был плохо: читал, но говорил с трудом, тем не менее предсмертные слова произнес по-немецки.

Вот уж поистине в ком, говоря словами Достоевского, «противоречия вместе живут»!

Однако главный парадокс личности Чехова в том, что, вопреки всему сказанному, в нем не было ничего от героев Достоевского – никакой двойственности, разделенности, никакого надрыва и излома. В эпоху «Братьев Карамазовых» он жил размеренной, деятельной и трезвой жизнью. Не спорил, не умствовал, не изливал душу. Лечил крестьян, строил для их детей школы, организовывал библиотеки, сажал сады, выращивал цветы и баклажаны.

Ткань бытия Чехова была столь плотной и прочной, что противоречия, свойственные каждому человеку, не могли не то чтобы порвать, но и просто надорвать ее. Края, и даже крайности, не конфликтовали между собой, связанные многочисленными нитями с основой – практичной и надежной.

Зинаида Гиппиус не без уважительности писала о феномене личности Чехова: «Слово же „нормальный“ – точно для Чехова придумано. У него и наружность „нормальная“... Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образования и культурности, он соответственно жил, соответственно любил, соответственно прекрасному дару своему – писал. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе – и грубоватые манеры, что тоже было нормально.

Даже болезнь его была какая-то „нормальная“, и никто себе не представит, чтобы Чехов, как Достоевский или князь Мышкин, повалился перед невестой в припадке „священной“ эпилепсии, опрокинув дорогую вазу. Или – как Гоголь, постился бы десять дней, сжег „Чайку“, „Вишневый сад“, „Трех сестер“, и лишь потом – умер».

Своей «нормальностью» он поражал и притягивал. Удивлял и озадачивал. «В Чехове было что-то новое, как будто совсем из другой жизни, из другой атмосферы», – писал Суворин. Он словно бы выпадал из специфической русской жизни. «Глядя на Чехова, я часто думал: вот какими будут русские, когда они окончательно сделаются европейцами», – признавался Меньшиков.

И хотя внешне Чехов напоминал «русского миловидного парня, какие повсюду встречаются в зажиточных крестьянских семьях» (П. А. Сергеев), по характеру и типу поведения он ближе к «немцу». Семейное предание гласило, что Чеховы – обрусевшие выходцы из Богемии. Пусть всерьез эту версию никто не принимал, она удивительным образом оказалась в судьбе писателя. Во всяком случае знаменитая чеховская скрытность, его неизменное спокойствие и самообладание, деликатность, точность и аккуратность, склонность к систематизации и каталогизации, пристрастие к словарям и справочникам, неустанный *практический* интерес к жизни, ирония и скепсис, материализм, хозяйская жилка и расчет, наконец, его жизнерадостность, горячая любовь к России, русской водке и пирогам – все это скорее свойственно русским инородцам, чем коренным русакам.

Вот и собрание своих сочинений он доверил питерскому немцу Марксу, а не Суворину, с которым дружил много лет, у которого постоянно печатался и которого искренне любил, потому что «Маркс издает великолепно. Это будет солидное издание, а не мизерабельное» (письмо М. П. Чеховой 27 января 1899).

Даже в том, что он умер в Германии, есть какая-то «фрейдовская» проговорка судьбы.

Чехов – единственный русский классик, не написавший ни одного романа. А ведь одно время так хотел! С самого начала писательской карьеры мечтал об этом. Только об этом. Примечательно, что первая появившаяся в печати юмореска (подписанная еще даже не «Чехонте», а просто «Антоша») называлась «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. д.». Многоопытный читатель, он уже тогда знал «формулу романа».

Впрочем, в первое время было не до того. Обстоятельства жизни побуждали писать много и коротко. Приходилось сочинять чуть ли не каждый день – шутки, анекдоты, сценки, разную юмористическую мелочь, обслуживая ради денег десятки непритязательных еженедельников и газет вроде «Стрекозы», «Будильника», «Зрителя», «Осколков»... Чехов рассказывал Суворину, что «один из своих рассказов написал в купальне, лежа на полу, карандашом, положил в конверт и бросил в почтовый ящик». Нет сомнений, что таких «творческих историй» за плечами «Антоши Чехонте» были сотни.

В 1886 году появилась первая значимая книга Чехова – сборник «Пестрые рассказы»: 87 текстов самого разного содержания. Это всё были литературные опусы «Антоши Чехонте» (его имя значилось на обложке), смешные и забавные, но сама книга выглядела весьма внушительно. Озадаченный рецензент писал: «„Пестрые рассказы“ появились в виде тяжеловесного тома в восьмую долю листа большого формата, точь-в-точь исторические монографии или какая-нибудь академическая работа. Просто страшно в руки взять такой томище, а пробежавши два-три рассказа, не знаешь, куда деваться с огромною книжицей, – в карман не лезет, в дорожную сумку не впишешь...» Какая ирония судьбы! Впрочем, как и повод для удовлетворения авторского самолюбия будущего романиста – не без гордости подписал сам себе один из экземпляров: «Уважаемому Антону Павловичу Чехову от автора».

В 1888 году Чехов получил Пушкинскую премию, но все равно не чувствовал себя полноценным писателем. Без романа-то! С задором писал Суворину: «Если опять говорить по совести, то я еще не начинал своей литерат<урной> деятельности, хотя и получил премию. У меня в голове томятся сюжеты для пяти повестей и двух романов. Один из романов задуман уже давно, так что некоторые из действующих лиц уже устарели, не успев быть написаны. В голове у меня целая армия людей, просящихся наружу и ждущих команды. Все, что я писал до сих пор, ерунда в сравнении с тем, что я хотел бы написать и что писал бы с восторгом».

Почти полтора года Чехов пытается писать роман, то с энтузиазмом, то остывая и отступаясь. В марте 1889-го Чехов отчитывается Суворину: «Я пишу роман!! Пишу, пишу,

и конца не видеть моему писанию. Начал его, т. е. роман, сначала, сильно исправив и сократив то, что уже было написано. Очертил уже ясно девять физиономий. Какая интрига! Назвал я его так: „Рассказы из жизни моих друзей“, и пишу его в форме отдельных законченных рассказов, тесно связанных между собою общностью интриги, идеи и действующих лиц. У каждого рассказа особое заглавие. Не думайте, что роман будет состоять из ключев. Нет, он будет настоящий роман, целое тело, где каждое лицо будет органически необходимо».

По весне даже показалось, что финал близок. «В ноябре привезу в Питер продавать свой роман», – пишет он 14 мая А. Н. Плещееву и добавляет: «Продам и уеду за границу, где, а la Худеков, задам банкет Лиге патриотов и угощу завтраком дон Карлоса, о чем, конечно, будет в газетах специальная телеграмма». Но уже летом энтузиазм Чехова сникает, а потом и вовсе сходит на нет. Более серьезных попыток писать роман Чехов уже не предпринимал.

«Широкая рама как будто ему не давалась, и он бросал начатые главы, – вспоминал Суворин. – Одно время он все хотел взять форму „Мертвых душ“, то есть поставить своего героя в положение Чичикова, который разъезжает по России и знакомится с ее представителями. Несколько раз он развивал предо мною широкую тему романа с полуфантастическим героем, который живет целый век и участвует во всех событиях XIX столетия». Но замыслы так и остались втуне.

Не состоялась и диссертация, которая тоже была задумана с размахом: «Врачебное дело в России».

В поисках эпоса Чехов предпринял кругосветное путешествие через Сахалин и Цейлон – земные воплощения ада и рая. Он преодолел тысячи верст, повидал тысячи лиц, вобрал в свою душу тысячи людских судеб. Покидая Сахалин, Чехов писал Суворину: «... Я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной». Он совершил самый настоящий подвиг и сам стал героем эпоса. А роман не давался.

По итогам поездки написал пространный очерк «Остров Сахалин». Вложил в него всю душу. Трудился несколько лет. Тщательно, терпеливо, с бережной ответственностью. Хотел создать нечто, подобное той картине, которая поразила его воображение в Венеции, куда он поехал вскоре после возвращения из далекого странствия. Там, среди непрерывного карнавала красок, света и музыки, в одном из музейных залов, он вдруг оказался перед грандиозным и мучительным творением выдающегося венецианского живописца эпохи Возрождения Витторе Карпаччо – картиной «Распятие и умерщвление десяти тысяч душ на горе Арарат» (1515). В основе ее сюжета – история из первых времен христианства. Многофигурная композиция представляет собой энциклопедию человеческих страданий и мук. Несмотря на обилие персонажей, на картине отсутствует «массовка», все эпизоды индивидуализированы, каждый мученик предстает в полноте своей личной трагедии. Карпаччо, мастер живописного рассказа, на исходе творческой карьеры создал произведение, в котором нашел выразительную форму эпического обобщения. Точно сам Бог послал Чехову эту встречу с великим мастером – в помощь и наставление. Но, когда «Остров Сахалин» вышел из печати, один из друзей Чехова, движимый самыми добрыми и искренними намерениями, очень серьезно, без каких-либо шуток, предложил представить ее в ученый совет университета в качестве диссертации!

Вряд ли причина неуспеха Чехова-романиста кроется только в особенностях его писательского дара, как считают некоторые исследователи. Чуткий и честный художник, следивший все мыслимое и немислимое для реализации своего предназначения, он явился в тот исторический час России, когда плоть ее социального мира стремительно дробилась

на осколки частных дел и индивидуальных поступков, когда у ее граждан, утративших регламент прежних практик рабовладельческого строя, стал формироваться новый опыт личной жизни, когда масштаб гражданской ответственности стал измеряться не былинными мерками, а пунктами судебного кодекса. Устав сменял устои – нормы корректировали традицию. Роман русской жизни распадался на отдельные эпизоды. Чтобы жить дальше, расти и развиваться, нужно было внимательно вглядеться в происходящее, уловить суть событий, рассмотреть все детали и подробности, найти нужные слова. Этот труд и принял на себя Чехов.

Отрекшись от заветной участи романиста, он писал небольшие истории, брал сюжеты порой совсем незначительные, изображал людей отнюдь не выдающихся, в пьесах выводил на подмостки персонажей драматургически недееспособных, точно по ошибке переступивших рампу и расположившихся по рассеянности на сцене, а не в зрительном зале или даже за стойкой буфета. С тихой, добродушной, но и слегка отстраненной улыбкой, писал о дворниках, станových, профессорах, дачниках, дамах с собачками и без, «попрыгуньях», «душечках», уездных лекарях и учителях, талантах и поклонниках – о жизни заурядной, банальной, скучной. Перебирал мелочи русской повседневности, описывая, фиксируя, наблюдая, словно заполняя одну «историю болезни» за другой – по-врачебному профессионально и кратко¹.

Работая как бы «скрытой камерой», заставляя своих современников в самых неожиданных местах, за делами обыденными и не предназначенными для посторонних глаз, со словами и мыслями, лишенными гражданского величия и даже простой общественной значимости, без маски приличия и грима социальности, Чехов создал масштабную панораму русского мира в период «смены вех» и внутреннего переустройства. «Бесчисленные рассказы его только кажутся отдельными; вместе взятые, они сливаются в широкую и живую картину, в само движение русской жизни, как она есть», – писал в некрологе Меньшиков.

Целостность личности Чехова связала воедино и весь созданный им мир его «пестрых рассказов». В этих непритязательных на первый взгляд произведениях он более чем в каком-либо романе запечатлел российскую действительность конца XIX века во всей ее полноте и многообразии, в деталях точных и конкретных, в ситуациях характерных и жизненных, в обстоятельствах реального исторического времени. Его «собрание пестрых глав» стало новой редакцией «энциклопедии русской жизни». Без глянца.

В тридцати томах².

Павел Фокин

¹ В этой своей художественно-научной, почти исследовательской деятельности Чехов очень напоминает другого русского доктора-писателя – Владимира Ивановича Даля, всю жизнь проведенного в разъездах и собиравшего слова и пословицы, которые в итоге составили уникальный «Толковый словарь живого великорусского языка».

² Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1988.

Личность

Облик

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), поэт, прозаик, мемуарист, лауреат Нобелевской премии по литературе:

У Чехова каждый год менялось лицо.

Петр Алексеевич Сергеев (1854–1930), беллетрист и публицист, одноклассник Чехова по таганрогской гимназии:

Семидесятые годы. Таганрогская гимназия. Большая, до ослепительности выбеленная классная комната. В классе точно пчелиный рой. Ожидают грозу I-го класса – учителя арифметики, известного под кличкой «китайского мандарина». У полуоткрытой двери с круглым окошечком стоит небольшого роста плотный, хорошо упитанный мальчик с низко-остриженной головой и бледным лунообразным, пухлым, как булка, лицом. Он стоит с следами мела на синем мундире и флегматически ухмыляется. Кругом него проносятся бури и страсти. А он стоит около двери, несколько выпятив свое откормленное брюшко с отстегнувшейся пуговицей, и ухмыляется. На черной классной доске появляется вольнодумная фраза по адресу «китайского мандарина». Рыхлый мальчик вялой походкой подходит к доске, флегматически смахивает влажной губкой вольнодумную фразу с доски. Но ухмыляющаяся улыбка все-таки остается на губах. Точно она вцепилась в его белое пухлое лицо, а ему недосуг отцепить ее.

Александр Леонидович Вишневский (наст. фам. Вишневецкий; 1861–1943), артист Московского Художественного театра с 1898 года. В пьесах Чехова исполнял роли: Дорна в «Чайке», Войницкого в «Дяде Ване», Кулыгина в «Трех сестрах». Соученик Чехова по таганрогской гимназии:

Помню тогдашний внешний облик Чехова: не сходившийся по бортам гимназический мундир и какого-нибудь неожиданного цвета брюки.

Михаил Михайлович Андреев-Туркин (1868–?), краевед, биограф Чехова:

В старших классах гимназии, по описаниям товарищей одноклассников Чехова, А. П. был несколько выше среднего роста, шатен, с широким лицом, с вдумчивыми, глубоко сидящими глазами, широким, прекрасной формы белым лбом, с волосами, причесанными в скобку, «он напоминал своей скромностью девушку, постоянно о чем-то размышляющую и недовольную, когда прерывали это размышление».

Петр Алексеевич Сергеев:

В 1884-м г., будучи осенью проездом в Москве, <...> едем с товарищем к Антоше Чехонте. <...>

Антон Чехов был неузнаваем. <...> Передо мною стоял высокий, стройный юноша с веселым, открытым и необыкновенно симпатичным лицом. Легкий пушок темнел на его верхней губе. Целая волна шелковистых волос, поднявшись у лба, закругленным изгибом уходила назад с слегка раздвинутым пробором почти на середине головы, что придавало Чехову характер русского миловидного парня, какие повсюду встречаются в зажиточных крестьянских семьях.

Константин Алексеевич Коровин (1861–1939), художник, писатель, мемуарист:

Он был красавец. У него было большое открытое лицо с добрыми смеющимися глазами. Беседуя с кем-либо, он иногда пристально вглядывался в говорящего, но тотчас же вслед опускал голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой. Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие, – от него как бы исходили флюиды сердечности и защиты... Несмотря на его молодость, даже юность, в нем уже тогда чувствовался какой-то добрый дед, к которому хотелось прийти и спросить о правде, спросить о горе, и поверить ему что-то самое важное, что есть у каждого глубоко на дне души.

Иван Леонтьевич Щеглов (наст. фам. Леонтьев; 1856–1911), писатель, близкий знакомый Чехова, многолетний корреспондент Чехова:

(1887) Передо мной стоял высокий стройный юноша, одетый очень невзыскательно, по-провинциальному, с лицом открытым и приятным, с густой копной темных волос, зачесанных назад. Глаза его весело улыбались, левой рукой он слегка пощипывал свою молодую бородку.

Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943), драматург, прозаик, режиссер, один из создателей Московского Художественного театра:

Его можно было назвать скорее красивым. Хороший рост, приятно вьющиеся, заброшенные назад каштановые волосы, небольшая бородка и усы. Держался он скромно, но без излишней застенчивости; жест сдержанный.

Николай Михайлович Ежов (1862–1941), писатель, журналист, фельетонист газеты «Новое время», товарищ и корреспондент А. П. Чехова:

Это было как будто вчера: в 1888 году, приехав в Москву из далекой провинции <...>, я познакомился с А. П. Чеховым, молодым человеком с широкими плечами, высоким и стройным. Большие, волнистые темно-русые волосы красиво выделяли его задумчивое лицо с небольшой бородкой и усами. Когда Чехов смеялся, его губы улыбались как-то особенно, ласково и юмористически. Светло-карие глаза его, прекрасные и мечтательные, освещали все лицо. Это были глаза, похожие на копейки, как у героини его первого рассказа в «Новом времени» – «Панихида». И когда Чехов шутил, высмеивал кого-нибудь, карикатурно изображал, его глаза кротко глядели на вас, и этот добрый взгляд говорил, что в словах юмориста нет и тени злобы и желчи.

Максим Горький (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков, 1868–1936), прозаик, драматург, поэт, литературный критик, общественный деятель. Один из учредителей книгоиздательского Товарищества «Знание»:

Хороши у него бывали глаза, когда он смеялся, – какие-то женски ласковые и нежно мягкие. И смех его, почти беззвучный, был как-то особенно хорош. Смеясь, он именно наслаждался смехом, ликовал; я не знаю, кто бы мог еще смеяться так – скажу – «духовно».

Петр Алексеевич Сергеев:

Припоминая теперь наиболее типическое в Чехове, память моя постоянно останавливается на его улыбке, на его милой, юмористической улыбке – этом развевающимся флаге над живою душою человека. Почти постоянно скользящая улыбка на губах Чехова была наиболее яркой приметой его личности. И кто хотел бы написать хороший портрет Чехова, минуя его характерную улыбку, тот не написал бы хорошего портрета Чехова.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Его же улыбка <...> была совсем особенная. Она сразу, быстро появлялась и так же быстро исчезала. Широкая, открытая, всем лицом, искренняя, но всегда накоротке. Точно человек спохватывался, что, пожалуй, по этому поводу дольше улыбаться и не следует.

Это у Чехова было на всю жизнь. И было это семейное. Такая же манера улыбаться была у его матери, у сестры и, в особенности, у брата Ивана.

Лидия Алексеевна Авилова (урожд. *Страхова, 1864–1943*), писательница, знакомая и корреспондентка А. П. Чехова:

Я заметила, что глаза у Чехова с внешней стороны точно с прищипочкой, а крахмальный воротник хомутом и галстук некрасивый.

Александр Иванович Куприн (1870–1938), прозаик, журналист:

Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая всем, знавшим его. Глаза у него были темные, почти карие, причем раек правого глаза был окрашен значительно сильнее, что придавало взгляду А. П., при некоторых поворотах головы, выражение рассеянности. Верхние веки несколько нависали над глазами, что так часто наблюдается у художников, охотников, моряков – словом, у людей с сосредоточенным зрением. Благодаря пенсне и манере глядеть сквозь низ его стекол, несколько приподняв кверху голову, лицо А. П. часто казалось суровым. Но надо было видеть Чехова в иные минуты (увы, столь редкие в последние годы), когда им овладевало веселье и когда он, быстрым движением руки сбрасывая пенсне и покачиваясь взад и вперед на кресле, разражался милым, искренним и глубоким смехом. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, с добрыми морщинками у наружных углов, и весь он тогда напоминал тот юношеский известный портрет, где он изображен почти безбородым, с улыбающимся, близоруким и наивным взглядом несколько исподлобья. И вот – удивительно, – каждый раз, когда я гляжу на этот снимок, я не могу отделаться от мысли, что у Чехова глаза были действительно голубые.

Обращал внимание в наружности А. П. его лоб – широкий, белый и чистый, прекрасной формы; лишь в самое последнее время на нем легли между бровями, у переносья, две вертикальные задумчивые складки. Уши у Чехова были большие, некрасивой формы, но другие такие умные, интеллигентные уши я видел еще лишь у одного человека – у Толстого.

Исаак Наумович Альтшуллер (1870–1943), врач, специалист по туберкулезу. Один из основателей Международной лиги для борьбы с туберкулезом. В течение многих лет жил в Ялте; лечил Чехова и Л. Н. Толстого:

Он тогда еще имел довольно бодрый вид и выглядел, пожалуй, не старше своих тридцати восьми лет, был худ и, несмотря на то, что ходил несколько сгорбившись, в общем представлял стройную фигуру. Только намечавшиеся уже складки у глаз и углов рта, порой утомленные глаза, а главное, на наш врачебный глаз, заметная одышка, особенно при подъемах, обусловленная этой одышкой степенная, медленная походка и предательский кашель говорили о наличии недуга.

Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920), филолог, литературный критик, редактор журнала «Мир Божий»:

(1901) Наружность его много раз описывали. Я помню, меня поразила только одна черта – высокий рост, более высокий, чем я представлял себе. Затем покоряли глаза и удивительно приятный тембр голоса. Болезнь чувствовалась в морщинах, в землистом цвете лица, в чем-то потухающем за первым оживлением.

Виктор Петрович Тройнов (1876–1948), инженер-экономист, служивший у С. Т. Морозова, и литератор:

Зиму 1903–1904 годов Чехов провел в Москве. Он неохотно и как бы мимоходом говорил о своей болезни. Но то, что он скрывал в разговоре, предательски выдавал его внешний вид. Лицо осунулось, поблекло, на лбу залегли резкие морщинки. Заметно тронула и седина.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952), драматург, прозаик, переводчик, актриса, мемуаристка. В 1892–1893 годах выступала на сцене театра Корша в Москве. Публикации в газетах и журналах «Артист», «Русские ведомости», «Русская мысль», «Северный курьер» и др. Близкая знакомая Чехова:

Я изумилась происшедшей с ним перемене. Бледный, землистый, с ввалившимися щеками – он совсем не похож был на прежнего А. П. Как-то стал точно ниже ростом и меньше.

Трудно было поверить, что он живет в Ялте: ведь это должно было поддержать его здоровье; все говорили, что в его возрасте болезнь эта уже не так опасна – «после сорока лет от чахотки не умирают», – утешали окружающие его близких. Но никакой поправки в нем не чувствовалось. Он горбился, зябко кутался в какой-то плед и то и дело подносил к губам баночку для сплевывания мокроты.

Сергей Терентьевич Семенов (1868–1922), писатель:

Последний раз я видел А. П. зимой, в год его смерти, в Москве. <...> У Антона Павловича недуг был в полном развитии. Внешний вид его был вид страдальца. Глядя на него, как-то не верилось, что это тот прежний Чехов, которого я раньше встречал. Прежде всего поражала его худоба. У него совсем не было груди. Костюм висел на нем, как на вешалке.

Зинаида Григорьевна Морозова (1867–1947), вторая жена С. Т. Морозова:

Антон Павлович сидел на краешке тахты <...>. Я как раз проходила мимо. Мне бросилась в глаза унылая фигура Антона Павловича. Ноги были беспомощно сложены, они были так худы и с такими острыми коленями, что по ним одним можно было судить о болезни Антона Павловича.

Исаак Наумович Альтшуллер:

В этом сыне мелкого торговца, выросшем в нужде, было много природного аристократизма не только душевного, но и внешнего, и от всей его фигуры веяло благородством и изяществом.

Иван Алексеевич Бунин:

Руки у него были большие, сухие, приятные.

Характер

Игнатий Николаевич Потапенко (1856–1929), прозаик, драматург, товарищ Чехова:

Душа его была соткана из какого-то отборного материала, стойкого и не поддающегося разложению от влияния среды. Она умела вбирать в себя все, что было в ней характерного, и из этого создавать свой мир – чеховский.

Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912), издатель и книгопродавец, журналист, драматург, публицист, театральный деятель, библиофил. Редактор-издатель газеты «Новое время». Автор издательских проектов «Дешевая библиотека» (издания классики), «Вся Москва» и «Весь Петербург» (ежегодные справочные издания). В 1895 году открыл в Петербурге Малый драматический театр. Многолетний конфиденд А. П. Чехова:

Когда болезнь его еще не обнаруживалась, он отличался необыкновенной жизнерадостностью, жаждою жить и радоваться. Хотя первая книжка его «Сумерки» и вторая «Хмурые» уже показывали, какой строй получают его произведения, но он не обнаруживал никакой меланхолии, ни малейшей склонности к пессимизму. Все живое, волнующее и волнующееся, все яркое, веселое, поэтическое он любил и в природе, и в жизни.

Игнатий Николаевич Потапенко:

Душа эта была какая-то необыкновенно правильная. Бывают счастливы с изумительно симметрическим сложением тела. Все у них в идеальной пропорции. Такое тело производит впечатление чарующей красоты.

У Чехова же была такая душа. Все было в ней – и достоинства, и слабости. Если бы ей были свойственны только одни положительные качества, она была бы так же одностороння, как душа, состоящая из одних только пороков.

В действительности же в ней наряду с великодушием и скромностью жили и гордость, и тщеславие, рядом с справедливостью – пристрастие. Но он умел, как истинный мудрец, управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств.

Зинаида Николаевна Гиппиус (в замуж. Мережковская; 1869–1945), поэтесса, литературный критик, прозаик, драматург, публицист, мемуарист. В 1899–1901 годах сотрудник журнала «Мир искусства». Организатор и член Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901–1904), фактический соредaktor журнала «Новый путь» (1903–1904):

Чехов, – мне, по крайней мере, – казался природно без лет.

Мы часто встречались с ним в течение всех последующих годов, и при каждой встрече – он был тот же, не старше и не моложе <...>. Впечатление упорное, яркое, – оно потом очень помогло мне разобраться в Чехове как человеке и художнике. В нем много черт любопытных, исключительно своеобразных. Но они так тонки, так незаметно уходят в глубину его существа, что схватить и понять их нет возможности, если не понять основы его существа.

А эта основа – статичность.

В Чехове был гений неподвижности. Не мертвого окостенения: нет, он был живой человек, и даже редко одаренный. Только все дары ему были отпущены сразу. И один (если и это дар) был дар – не двигаться во времени.

Всякая личность (в философском понятии) – ограниченность. Но у личности в движении – границы волнующиеся, зыбкие, упругие и растяжимые. У Чехова они тверды, раз навсегда определены. Что внутри есть – то есть; чего нет – того и не будет. Ко всякому дви-

жению он относится как к чему-то внешнему и лишь как внешнее его понимает. Для иного понимания надо иметь движение внутри. Да и все внешнее надо уметь впускать в свой круг и связывать с внутренним в узлы. Чехов не знал узлов. И был такой, каким был, – сразу. Не возрастая – естественно был он чужд и «возрасту». Родился сорокалетним – и умер сорокалетним, как бы в собственном зените.

«Нормальный человек и нормальный прекрасный писатель своего момента», – сказал про него однажды С. Андреевский. Да, именно – момента. Времени у Чехова нет, а момент очень есть. Слово же «нормальный» – точно для Чехова придумано. У него и наружность «нормальная», по нем, по моменту. Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образования и культуры, он соответственно жил, соответственно любил, соответственно прекрасному дару своему – писал. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе – и грубоватые манеры, что тоже было нормально.

Даже болезнь его была какая-то «нормальная», и никто себе не представит, чтобы Чехов, как Достоевский или князь Мышкин, повалился перед невестой в припадке «священной» эпилепсии, опрокинув дорожную вазу. Или – как Гоголь, постился бы десять дней, сжег «Чайку», «Вишневый сад», «Трех сестер», и лишь потом – умер.

<...> Чехов, уже по одной цельности своей, – человек замечательный.

Игнатий Николаевич Потапенко:

Ему была свойственна какая-то особенная гордость совести: все делать как следует. И он никогда не брался за то, чего не мог сделать наилучшим образом.

Антон Павлович Чехов. В передаче В. А. Фаусека:

Я люблю успех. Люблю видеть успех других. Люблю пользоваться им сам.

Илья Ефимович Репин (1844–1930), живописец, педагог, мемуарист:

Тонкий, неумолимый, чисто русский анализ преобладал в его глазах над всем выражением лица. Враг сантиментов и выпренных увлечений, он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии и с удовольствием чувствовал на себе кольчугу мужества.

Мне он казался несокрушимым силачом по складу тела и души.

Максим Горький:

В его серых, грустных глазах почти всегда мягко искрилась тонкая насмешка, но порою эти глаза становились холодны, остры и жестки; в такие минуты его гибкий, задушевный голос звучал тверже, и тогда – мне казалось, что этот скромный, мягкий человек, если он найдет нужным, может встать против враждебной ему силы крепко, твердо и не уступит ей.

Игнатий Николаевич Потапенко:

Воля чеховская была большая сила, он берег ее и редко прибегал к ее содействию, и иногда ему доставляло удовольствие обходиться без нее, переживать колебания, быть даже слабым. <...>

Но когда он находил, что необходимо призвать волю, – она являлась и никогда не обманывала его. Решить у него значило – сделать.

Иван Леонтьевич Щеглов:

Чехов удивительно умел владеть собой.

Исаак Наумович Альтшуллер:

Чехов был необыкновенно аккуратен, и у него всегда царил образцовый порядок. Все раз навсегда на определенном месте, все годы и в том же порядке на письменном столе стояли и оригинальные подсвечники, и чернильницы, и слоны, и «Вся Москва» Суворина, и коробочка с мятными лепешками, и всякие другие мелочи. Этот застывший порядок в очень приятной и уютной комнате с специально написанным для камина этюдом Левитана и с другой картиной этого художника в глубокой нише за письменным столом шел даже в ущерб уюту, внося некоторый холодок.

Иван Алексеевич Бунин:

Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку – наследственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность.

Петр Алексеевич Сергеенко:

Здесь, может быть, уместным будет сказать, что Чехов никогда, ни в детстве, ни в зрелом возрасте, не отличался ни теми восторженно-нежными родственными чувствами, ни теми сердечными излияниями, которые он изображал в своих произведениях с такой трогательной прелестью. Чехов почти всегда был «человеком в футляре».

Лидия Карловна Федорова (1866–1937), жена писателя А. М. Федорова:

Я вспоминаю, как много позже, когда отношения между А. П. и мужем более определились, он неоднократно мне рассказывал, что никто даже из близких ему людей не видел Чехова, так сказать, «при открытых дверях».

Иван Алексеевич Бунин:

Я спрашивал Евгению Яковлевну (мать Чехова) и Марью Павловну:

– Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?

– Никогда в жизни, – твердо отвечали обе.

Творчество

Игнатий Николаевич Потапенко:

Мне кажется, что он весь был – творчество. Каждое мгновение, с той минуты, как он, проснувшись утром, открывал глаза, и до того момента, как ночью смыкались его веки, он творил непрестанно. Может быть, это была подсознательная творческая работа, но она была, и он это чувствовал.

Антон Павлович Чехов. Из письма А. С. Суворину. Сумы, 1 апреля 1890 г.:

Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он добавит сам.

Максим Максимович Ковалевский:

Он любил работу писателя и относился к ней с величайшей серьезностью, изучая разносторонне поднимаемые им темы, знакомясь с жизнью не из книг, а из непосредственного сношения с людьми.

Николай Михайлович Ежов:

Раз, придя к нему, я увидел Чехова сквозь окно: он сидел и что-то с увлечением писал. Его голова качалась, губы шевелились, рука быстро бегала, чертя пером по бумаге, и легкая краска выступила на его по обыкновению бледных щеках.

Александр Семенович Лазарев (псевд. *А. Грузинский*; 1861–1927), писатель, сотрудничал в журналах и газетах «Осколки», «Будильник», «Петербургская газета», «Новое время», «Нива» и др.:

Кроме первых лет юмористического скорописания, все остальные годы Чехов творил очень медленно, вдумчиво, чеканя каждую фразу. Но, работая медленно и вдумчиво, Чехов никогда не делал из своей работы ни таинства, ни священнодействия, никогда его творчество не требовало уединения в кабинете, опущенных штор, закрытых дверей. У Чехова слишком много было внутренней творческой силы и той мудрости, о которой говорит тот же Потапенко, – да и не один он, – чтобы обставлять работу свою такими побрякушками.

Не думаю, чтобы я представлял исключение из общего правила, но при мне Чеховым были написаны многие рассказы в «Пет. газету» (между прочим, «Сирена»), некоторые «субботники» в «Новое время», многие страницы «Степи». <...>

Не делал секрета Чехов ни из своих тем, ни даже из своих записных книжек.

Однажды, летним вечером, по дороге с вокзала в Бабкино и Новый Иерусалим, он рассказал мне сюжет задуманного им романа, который, увы, никогда не был написан. А в другой раз, сидя в кабинете корнеевского дома, я спросил у Чехова о тонкой тетрадке.

– Что это?

Чехов ответил:

– Записная книжка. Заведите себе такую же. Если интересно, можете просмотреть.

Это был прообраз записных книжек Чехова, позже появившихся в печати; книжечка была крайне миниатюрных размеров, помнится самодельная, из писчей бумаги; в ней очень мелким почерком были записаны темы, остроумные мысли, афоризмы, приходившие Чехову в голову. Одну заметку об особенном лае рыжих собак – «все рыжие собаки лают тенором» – я вскоре встретил на последних страницах «Степи».

Родион Абрамович Менделевич (1867–1927), поэт, сотрудник журналов «Осколки», «Будильник», газеты «Новости дня» и др.:

Писал он («Степь». – Сост.) на больших листах писчей бумаги, писал очень медленно, отрывался часто от работы, меряя большими шагами кабинет. Помню такой характерный эпизод. Прихожу как-то вечером к А. П., смотрю, на письменном столе лист исписан только наполовину, а сам А. П., засунув руки в карманы, шагает по кабинету.

– Вот никак не могу схватить картину грозы. Застрял на этом месте.

Через неделю я опять был у него, и опять тот же наполовину исписанный лист на столе.

– Что же, написали грозу? – спрашиваю у А. П.

– Как видите, нет еще. Никак еще подходящих красок не найду.

И все, кто читал «Степь», знают теперь, какие «подходящие краски» нашел Антон Павлович для описания грозы в степи.

Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918), публицист, литературный критик, постоянный сотрудник газеты «Новое время», знакомый и корреспондент А. П. Чехова:

Работал он с тщательностью ювелира. Его черновик я принял однажды за нотный лист – до такой степени часты были зачеркнутые жирно места. Он кропотливо отделявал свой чудный слог и любил, чтобы было «густо» написано: немного, но многое. <...> «Будь я миллионер, – говаривал он, – я бы писал вещи с ладонь величиной».

Александр Семенович Лазарев:

«Искусство писать, – говорил он мне, – состоит, собственно, не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать плохо написанное». <...>

В одном письме ко мне Чехов писал:

«Стройте фразу, делайте ее сочнее, жирней... Надо рассказ писать 5–6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза прежде, чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила, но вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками».

Иван Алексеевич Бунин:

И, помолчав, без видимой связи прибавил:

– По-моему, написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем... И короче, как можно короче надо писать.

Сергей Николаевич Щукин (1872–1931), учитель ялтинской церковной школы:

Он встал с моей тетрадью в руках и перегнул ее пополам.

– Начинающие писатели часто должны делать так: перегните пополам и разорвите первую половину.

Я посмотрел на него с недоумением.

– Я говорю серьезно, – сказал Чехов. – Обыкновенно начинающие стараются, как говорят, «вводить в рассказ» и половину напишут лишнего. А надо писать, чтобы читатель без пояснений автора, из хода рассказа, из разговоров действующих лиц, из их поступков понял, в чем дело. Попробуйте оторвать первую половину вашего рассказа, вам придется только немного изменить начало второй, и рассказ будет совершенно понятен. И вообще не надо ничего лишнего. Все, что не имеет прямого отношения к рассказу, все надо беспощадно выбрасывать. Если вы говорите в первой главе, что на стене висит ружье, во второй

или третьей главе оно должно непременно выстрелить. А если не будет стрелять, не должно и висеть. Потом, – говорил он, – надо делать рассказ живее, разговоры прерывать действиями. У вас Иван Иванович любит говорить. Это ничего, но он не должен говорить сплошь по целой странице. Немного поговорил, а потом пишете: «Иван Иванович встал, прошелся по комнате, закурил, постоял у окна».

– Вообще следует избегать некрасивых, неблагозвучных слов. Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих звуков, избегаю их.

Григорий Иванович Россолимо (1860–1928), профессор-невропатолог, товарищ Чехова по Московскому университету:

А. П. делился со мной наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения.

Алексей Иванович Яковлев (1878–1951), студент-историк, впоследствии (после революции) профессор Московского университета, член-корреспондент Академии наук:

– А. П., как вы пишете? Так же по многу раз переписываете, как Толстой, или нет?

А. П. улыбнулся.

– Обыкновенно пишу начерно и переписываю набело один раз. Но я подолгу готовлю и обдумываю каждый рассказ, стараюсь представить себе все подробности заранее. Прямо, с действительности, кажется, не списываю, но иногда невольно выходит так, что можно угадать пейзаж или местность, нечаянно описанные...

Василий Иванович Немирович-Данченко (1844/1845 по новому стилю – 1936), прозаик, поэт, журналист, военный корреспондент:

Я раз его видел за работой.

В Ницце, в русском пансионе, наши комнаты были рядом.

Вечером я вернулся и вспомнил, что он просил меня заглянуть к нему. У него все тонуло во мраке. Только и было свету, что под зеленым абажуром небольшой лампы посередине. Начатый лист бумаги. Всматриваюсь: в потемках, в углу, едва мерещится Антон Павлович.

– Сейчас...

Встал, подошел к столу, вычеркнул строчку и опять в свой угол.

Я хотел уйти.

– Погодите.

Две-три минуты, опять Чехов у стола, наскоро набросал что-то...

– Сегодня трудно пишется... Вообще, писать не легко... Ужасно легко думать, что именно напишешь. Кажется, всего и остается переписать на бумагу готовое. А тут-то и пойдут московская мостовая. О каждый булыжник спотыкаешься. А иногда вдруг, как по рельсам, целые страницы!.. По-старому, пожалуй, в вдохновение бы поверил. Только такие страницы не очень удачны выходят.

Александр Иванович Куприн:

В последние годы Чехов стал относиться к себе все строже и все требовательнее: держал рассказы по несколько лет, не переставая их исправлять и переписывать, и все-таки, несмотря на такую кропотливую работу, последние корректуры, возвращавшиеся от него, бывали кругом испещрены знаками, пометками и вставками. Для того чтобы окончить произведение, он должен был писать его не отрываясь. «Если я надолго оставлю рассказ, – говорил он как-то, – то уже не могу потом приняться за его окончание. Мне надо тогда начинать снова».

Борис Александрович Лазаревский:

Я облокотился на его письменный стол, на котором лежала какая-то рукопись.

– Меня интересует, много ли вы перечеркиваете, когда пишете. Можно посмотреть? – спросил я.

– Можно.

Я подошел к столу с другого конца. Обыкновенный лист писчей бумаги был унизан ровными, мелкими, широко стоящими одна от другой строчками. Слов десять было зачеркнуто очень твердыми, правильными линиями, так что под ними уже ничего нельзя было прочесть.

Александр Иванович Куприн:

Представляю также себе и его почерк: тонкий, без нажимов, ужасно мелкий, с первого взгляда – небрежный и некрасивый, но, если к нему приглядеться, очень ясный, нежный, изящный и характерный, как и все, что в нем было.

Михаил Осипович Меньшиков:

Художественная память его была невероятна. Чувствовалось, что он наблюдает постоянно и ненасытно: как фотографические аппараты, его органы чувств мгновенно закрепляли в памяти редкие сцены, выражения, факты, разговоры, краски, звуки, запахи. Нередко в разговоре он вынимал маленькую записную книжку и что-то отмечал: «это нужно запомнить».

Александр Иванович Куприн:

Я не хочу сказать, что он искал, подобно другим писателям, моделей. Но мне думается, что он всюду и всегда видел материал для наблюдений, и выходило у него это поневоле, может быть часто против желания, в силу давно изоощренной и никогда не искоренимой привычки вдумываться в людей, анализировать их и обобщать. В этой сокровенной работе было для него, вероятно, все мучение и вся радость вечного бессознательного процесса творчества.

Вячеслав Андреевич Фаусек (1862–?), журналист:

Как-то затеялся разговор о художественном творчестве, и я спросил Антона Павловича, какой психологии творчества подчиняется он сам? Пишет ли людей с натуры, или персонажи его рассказов являются результатом более сложных обобщений творческой мысли?

– Я никогда не пишу прямо с натуры! – ответил Антон Павлович.

– Впрочем, это не спасает меня как писателя от некоторых неожиданностей! – добавил он. – Случается, что мои знакомые совершенно неосновательно узнают себя в героях моих рассказов и обижаются на меня!

Петр Алексеевич Сергеев:

В памяти у меня осталось одно замечание Чехова. Когда я сказал ему, что, вероятно, Ялта даст ему новые краски для его работы, Чехов возразил:

– Я не могу описывать переживаемого мною. Я должен отойти от впечатления, чтобы изобразить его.

Александр Семенович Лазарев:

Среди писательских заветов Чехова восьмидесятих годов неизменным было предостережение против тенденциозности писаний. В те годы Чехов был страшным врагом тенденциозности и возвращался к этому вопросу с каким-то постоянным и странным упорством <...>. Каждый раз наш разговор на эту тему заканчивался фразой Чехова:

– И что бы там ни болтали, а ведь вечно лишь то, что художественно!

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Как-то, помню, по поводу одной моей повести он сказал мне:

– Все хорошо, художественно. Но вот, например, у вас сказано: «и она готова была благодарить судьбу, бедная девочка, за испытание, посланное ей». А надо, чтобы читатель, прочитав, что она за испытание благодарит судьбу, сам сказал бы: «бедная девочка»... или у вас: «трогательно было видеть эту картину» (как швея ухаживает за больной девушкой). А надо, чтобы читатель сам сказал бы: «какая трогательная картина...» Вообще: любите своих героев, но никогда не говорите об этом вслух!

Особенно советовал мне А. П. отделяться от «готовых слов» и штампов, вроде: «ночь тихо спускалась на землю», «причудливые очертания гор», «ледяные объятия тоски» и пр.

Владимир Николаевич Ладыженский (1859–1932), поэт, прозаик, журналист.
Сотрудник журналов «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. Земский деятель:

Писал и работал Чехов много. По этому поводу у него сложилось определенное убеждение, которое он мне не раз высказывал.

– Художник, – говорил он, – должен всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе он не может жить. Куда же денешься от мысли, от самого себя. Посмотри хоть на Некрасова: он написал огромную массу, если сосчитать позабытые теперь романы и журнальную работу, а у нас еще упрекают в многописании.

Иван Алексеевич Бунин:

Он любил повторять, что если человек не работает, не живет постоянно в художественной атмосфере, то, будь он хоть Соломон премудрый, все будет чувствовать себя пустым, бездарным.

Иногда вынимал из стола свою записную книжку и, подняв лицо и блестя стеклами пенсне, мотал ею в воздухе:

– Ровно сто сюжетов! Да-с, милсдарь! Не вам, молодым, чета! Работник! Хотите, парочку продам?

Собеседник

Иван Алексеевич Бунин:

Точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое, книжное действовало на него резко; сам он говорил прекрасно – всегда по-своему, ясно, правильно. Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

Федор Федорович Фидлер (1859–1917), педагог, переводчик (на нем. язык произведений Кольцова, Никитина, Надсона, Фета, А. К. Толстого и др.), энтузиаст-коллекционер, создатель частного литературного музея. Составитель книги *«Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей»* (М., 1911). Из дневника:

17 января 1893. <...> Чехов говорил все время – живо, хотя бесстрастно, без какого бы то ни было лирического волнения, но все же не сухо.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Низкий бас с густым металлом; дикция настоящая русская, с оттенком чисто великорусского наречия; интонации гибкие, даже переливающиеся в какой-то легкий распев, однако без малейшей сентиментальности и, уж конечно, без тени искусственности.

Владимир Николаевич Ладыженский:

Говорил он охотно, но больше отвечал, не произнося, так сказать, монологов. В его ответах проскальзывала иногда ирония, к которой я жадно прислушивался, и я подметил при этом одну особенность, так хорошо памятную знавшим А. П. Чехова: перед тем, как сказать что-нибудь значительно-остроумное, его глаза вспыхивали мгновенной веселостью, но только мгновенной. Эта веселость потухала так же внезапно, как и появлялась, и острое замечание произносилось серьезным тоном, тем сильнее действовавшим на слушателя.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Длинных объяснений, долгих споров не любил. Это была какая-то особенная черта. Слушал внимательно, часто из любезности, но часто и с интересом. Сам же молчал, молчал до тех пор, пока не находил определения своей мысли, короткого, меткого и исчерпывающего. Скажет, улыбнется своей широкой летучей улыбкой и опять замолчит.

Михаил Егорович Плотов, учитель в селе Щеглятьеве, вблизи Мелихова:

Экспромтом он говорил так же легко, плавно, свободно и красиво, как и писал, в совершенстве владея искусством сказать многое в немногих словах.

Александр Иванович Куприн:

Он умел слушать и расспрашивать, как никто, но часто, среди живого разговора, можно было заметить, как его внимательный и доброжелательный взгляд вдруг делался неподвижным и глубоким, точно уходил куда-то внутрь, созерцая нечто таинственное и важное, совершавшееся в его душе.

Иван Алексеевич Бунин:

Как почти все, кто много думает, он нередко забывал то, что уже не раз говорил.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Он терпеть не мог длинных теоретических бесед об искусстве <...>. Недолголюбил приятельские пересуды друг о друге, чем зачастую наполняются все беседы между литераторами. Но если и не находилось тем для разговоров, то он испытывал приятное ощущение даже в простой болтовне с людьми, принадлежащими к искусству.

Иван Алексеевич Бунин:

Он на некоторых буквах шепелявил, голос у него был глуховатый, и часто говорил он без оттенков, как бы бормоча: трудно было иногда понять, серьезно ли говорит он. И я порой отказывался.

Петр Алексеевич Сергеенко:

Басовый тембр голоса, слегка только потускневший в последние годы, и студенческое словцо «понимаешь» остались у Чехова до последних дней.

Александр Семенович Лазарев:

Чехов любил обращение «батенька», любил слово «знаете».

Федор Федорович Фидлер. Из дневника:

8 февраля 1895. Вместо «ничуть», «ни следа» и т. п. Чехов употребляет выражение «ни хера».

Особенности поведения

Александр Иванович Куприн:

Помнится мне теперь очень живо пожатие его большой, сухой и горячей руки, – пожатие, всегда очень крепкое, мужественное, но в то же время сдержанное, точно скрывающее что-то.

Владимир Николаевич Ладыженский:

С Чеховым легко было и знакомиться и дружить: до такой степени влекла к нему его простота, искренность и впечатление (я не умею иначе выразиться) чего-то светлого, что охватывало его собеседника.

Константин Алексеевич Коровин:

Антон Павлович был прост и естественен, он ничего из себя не делал, в нем не было ни тени рисовки или любования самим собою. Прирожденная скромность, особая мера, даже застенчивость – всегда были в Антоне Павловиче.

Александр Иванович Куприн:

Стыдливо и холодно относился он и к похвалам, которые ему расточали. Бывало, уйдет в нишу, на диван, ресницы у него дрогнут и медленно опустятся, и уже не поднимаются больше, а лицо делается неподвижным и сумрачным. Иногда, если эти неумеренные восторги исходили от более близкого ему человека, он старался обратить разговор в шутку, свернуть его на другое направление.

Владимир Александрович Поссе (1864–1940), журналист, редактор журнала «Жизнь»:

Был он тихий и ласковый. Ни капли рисовки. Умные глаза смотрели внимательно, но не назойливо. Грусть сменялась усмешкой.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

В общении был любезен, без малейшей слащавости, прост, я сказал бы: внутренне изыщен. Но и с холодком. Например, встречаясь и пожимая вам руку, произносил «как поживаете» мимоходом, не дожидаясь ответа.

Максим Горький:

Красиво простой, он любил все простое, настоящее, искреннее, и у него была своеобразная манера опрощать людей.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Может быть, болезнь выработала в нем привычку, что он долго не сидел на одном месте. Во время обеда несколько раз вставал – или ходил по столовой. <...>

Он вспоминается у себя дома всегда так: ходит по комнате крупными шагами, медленно, немного поддавшись вперед. Молчал без стеснения, вовсе не находя нужным наполнять молчание ненужными словами. Часто улыбался, яркой, но быстрой улыбкой. Чтобы он громко и долго смеялся, я не слыхал. Всегда так: быстро и приветливо улыбнется и через мгновение опять серьезен.

Иван Алексеевич Бунин:

<...> Со всеми он был одинаков, никому не оказывал предпочтения, никого не заставлял страдать от самолюбия, чувствовать себя забытым, лишним. И всех неизменно держал на известном расстоянии от себя.

Чувство собственного достоинства, независимости было у него очень велико.

Петр Алексеевич Сергеенко:

У него было много друзей. Но он не был ничьим другом. Его в сущности ни к кому не притягивало до забвения своего я.

Александр Семенович Лазарев:

При всей деликатности и мягкости Чехов умел спокойно, добродушно, но вместе с тем твердо ставить на свое место зарывавшихся лиц.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Чехов положительно любил, чтобы около него всегда было разговорно и весело. Но все-таки чтобы он мог бросить всех и уйти к себе в кабинет записать новую мысль, новый образ.

Александр Семенович Лазарев:

Чехов не терпел одиночества и уединялся только от несимпатичных ему людей, от людей назойливых и не представлявших для него интереса.

Антон Павлович Чехов. Из письма А. С. Суворину. Сумы, 15 мая 1889 г.:

Я положительно не могу жить без гостей. Когда я один, мне почему-то становится страшно, точно я среди великого океана солистом плыву на утлой ладье.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Это была очень отчетливая черта в характере Антона Павловича: он любил, чтобы у него бывали. Даже если приходили к нему днем, когда он занимался, хотя и трудно ему было откладывать работу, часто спешную, он все-таки делал это охотно. Любил принимать людей, принадлежащих литературе, живописи, театру, безразлично – больших или маленьких. С нескрываемой холодностью встречал только чванных бездарностей, мнящих о себе тупиц, лиц подозрительных в политическом отношении, в смысле сыска.

Михаил Егорович Плотов:

Я уверен, что Антон Павлович никогда не волновался, не возмущался и не жалел о своих личных неудачах, как волновался и возмущался по поводу неудач маленьких людей, своих знакомых, особенно в тех случаях, когда к неудачам материального порядка присоединялись попытки умаления человеческого достоинства этих людей.

Александра Александровна Хотяинцева (1865–1942), художница, знакомая Чехова:

Писем Антон Павлович получал много, и сам писал их много, но уверял, что не любит писать писем.

– Некогда, видите, какой большой писательский бугор у меня на пальце? Кончаю один рассказ, сейчас же надо писать следующий... Трудно только заглавие придумать, и первые строки тоже трудно, а потом все само пишется... и зачем заглавия? Просто бы № 1, 2 и т. д.

Однажды, взглянув на адрес, написанный мной на конверте, он накинудся на меня:

– Вам не стыдно так неразборчиво писать адрес? Ведь вы затрудняете работу почтальона!

Я устыдилась и запомнила.

Исаак Наумович Альтшуллер:

Когда Чехов был не в саду, когда не было посетителей, его всегда можно было застать в кабинете, и если не за письменным столом, то в глубоком кресле, сбоку от него. Он много времени проводил за чтением. Он получал и просматривал громадные количества газет, столичных и провинциальных. По прочтении часть газет он рассылал разным лицам, строго индивидуализируя. Ярославскую газету – очень им уважаемому священнику, северному уроженцу; а «Гражданин» отправлялся нераскрытым будущей ялтинской знаменитости, частному приставу Гвоздевичу. Ему приходилось много времени тратить на прочтение присылаемых ему рукописей. Кроме других толстых журналов, читал и «Исторический вестник», и «Вестник иностранной литературы», и орган религиозно-философского общества «Новый путь». Часто читал и классиков, следил внимательно за вновь появляющейся беллетристической.

Александр Иванович Куприн:

Читал он удивительно много и всегда все помнил, и никого ни с кем не смешивал. Если авторы спрашивали его мнения, он всегда хвалил, и хвалил не для того, чтобы отвязаться, а потому, что знал, как жестоко подрезает слабые крылья резкая, хотя бы и справедливая критика и какую бодрость и надежду вливает иногда незначительная похвала. «Читал ваш рассказ. Чудесно написано», – говорил он в таких случаях грубоватым и задушевым голосом. Впрочем, при некотором доверии и более близком знакомстве, и в особенности по убедительной просьбе автора, он высказывался, хотя и с осторожными оговорками, но определеннее, пространнее и прямее.

Но он мог часами просиживать в кресле, без газет и без книг, заложив ногу на ногу, закинув назад голову, часто с закрытыми глазами. И кто знает, каким думам он предавался в уединенной тишине своего кабинета, никем и ничем не отвлекаемый. Я уверен, что не всегда и не только о литературе и о житейском.

Антон Павлович Чехов. *Из письма Л. С. Мизиновой. Ялта, 27 марта 1894 г.:*

Я того мнения, что истинное счастье невозможно без праздности. Мой идеал: быть праздным и любить полную девушку. Для меня высшее наслаждение – ходить или сидеть и ничего не делать; любимое мое занятие – собирать то, что не нужно (листки, солому и проч.), и делать бесполезное.

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Москва, 7 апреля 1897 г.:*

Я презираю лень, как презираю слабость и вялость душевных движений. Говорил я Вам не о лени, а о праздности, говорил притом, что праздность есть не идеал, а лишь одно из необходимых условий личного счастья.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Во всяком случае, у него было много свободного времени, которое он проводил как-то впустую, скучал.

Шутки, розыгрыши, импровизации

Петр Алексеевич Сергеев:

Юмор был душою Чехова.

Алексей Алексеевич Долженко (1864–1942), двоюродный брат А. П. Чехова по материнской линии:

Антон учился в четвертом или в пятом классе гимназии. Каким-то образом ему удалось выпросить на время у гимназического служителя при кабинете наглядных пособий череп и две берцовых кости. Эти экспонаты он принес с собою домой, для того чтобы показать нам. Сестры Марии в это время не было дома. После всестороннего осмотра этих интересных вещей кто-то из нас придумал испугать ими Машу. Желая достичь максимального эффекта, кости с черепом мы положили к ней на кровать и накрыли одеялом. Чтобы получилось впечатление лежащего человека, мы положили также башмаки, палки и прочие вещи. Сестра не заставила себя долго ждать. Она вернулась домой в особенно хорошем настроении. Мы стали ее интриговать, говоря, что к ней приехала из Москвы ее подруга, а на вопрос, кто она и где находится, сказали, что она с дороги легла отдохнуть на ее постели. Маша быстро вошла в свою комнату, откинула одеяло и тотчас упала в обморок. Видя ее тяжелое состояние, мы испугались не на шутку. Поднялись шум и суматоха. В комнату прибежала мать Чеховых, Евгения Яковлевна. Антон побежал за одеколоном, Иван стал мочить носовые платки в холодной воде. Пока мы возились с сестрой, выслушивая брань старших, мы совершенно забыли о черепе и костях. В это время моя мать Федосия Яковлевна, будучи женщиной очень религиозной, усмотрела в игре человеческими костями святотатство. Пользуясь общим замешательством, она унесла кости и похоронила их на дворе. Когда все кончилось, сестра Мария пришла в себя, старшие исчерпали весь свой словесный запас, Антон вспомнил о костях. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выяснить, куда они девались, вырыть их из земли и отнести гимназическому служителю, который уже начал беспокоиться, как бы не вышло крупной неприятности.

Михаил Павлович Чехов (1865–1936), младший брат Чехова, юрист, писатель, журналист, мемуарист, первый биограф Чехова:

У Гавриила Парфентьевича (соседа Чеховых в Таганроге. – Сост.) жила его племянница Саша, учившаяся в местной женской гимназии. <...> Впоследствии, через пятнадцать лет, когда мы жили в Москве в доме Корнеева на Кудринской-Садовой, она приезжала к нам уже взрослой, веселой, жизнерадостной девицей и пела украинские песни. Она остановилась у нас, прожила с нами около месяца, и мои братья, Антон и Иван Павловичи, заметно «приударяли» за ней <...>. Ее дразнили, что на юге у нее остался вздыхатель, который очень скучает по ней, и Антон Павлович подшутил над ней следующим образом: на бывшей уже в употреблении телеграмме были стерты резинкой карандашные строки и вновь было написано следующее: «Ангел, душка, соскучился ужасно, приезжай скорее, жду ненаглядную. Твой любовник».

Нарочно позвонили в передней, будто это пришел почтальон, и горничная подала Саше телеграмму.

Она распечатала ее, прочитала и на другой же день, несмотря на то, что все мы умоляли ее остаться, уехала домой к себе на юг. Мы уверяли ее, что телеграмма фальшивая, но она не поверила.

Алексей Алексеевич Долженко:

29 июня был день именин Павла Егоровича. <...> Накануне этого дня мы с ним выехали в Бабкино, находящееся около города Воскресенска, где проживала в это время семья Чеховых на даче. Я ехал туда в первый раз. Приехали мы поздно вечером, накануне 29 июня. Нас встретили очень сердечно: накормили сытным ужином, напоили чаем с вареньем и печеньем. За столом беседа затянулась за полночь, а потом мы легли спать. <...>

В эту ночь Антон расклеил по всему парку афиши о том, что приехал Алеша и привез Ване брюки с лампасами. Я таковые действительно привез по поручению брата Ивана.

Мария Павловна Чехова (1863–1957), сестра, педагог, мемуарист, биограф и публикатор Чехова, создательница музея Чехова в Ялте:

Первое время Левитан жил в деревне Максимовке, а затем по настоянию Антона Павловича переехал в небольшой флигелек к нам в Бабкино. На этом домике Антон Павлович повесил шутливую вывеску «Ссудная касса купца Левитана». Никто без смеха не мог пройти мимо.

Михаил Павлович Чехов:

Бывало, в летние вечера он надевал с Левитаном бухарские халаты, мазал себе лицо сажей и в чалме, с ружьем выходил в поле по ту сторону реки. Левитан выезжал туда же на осле, слезал на землю, расстилал ковер и, как мусульманин, начинал молиться на восток. Вдруг из-за кустов к нему подкрадывался бедуин Антон и палил в него из ружья холостым зарядом. Левитан падал навзничь. Получалась совсем восточная картина.

Сергей Рафаилович Минцлов (1870–1933), прозаик, поэт, драматург, детский писатель, мемуарист, библиофил, библиограф, археолог:

Однажды они устроили носилки; раскрасили их и уложили на них завернутого в простыню и с белой чалмой на голове Левитана, торжественно понесли его по деревне. Процессию остановили крестьяне и спросили, кого они хоронят. Ответ был: «Бедуина»! Неподвижно лежавший Левитан вдруг вскочил и пустился бежать, за ним в погоню бросились все Чеховы, и после этого бабы долго потом шарахались при встрече с Левитаном.

Александр Семенович Лазарев:

Он брал что-нибудь вроде рекламного прејскуранта аптекарского магазина, становился в позу и начинал нам читать этот прејскурант, выразительно, с пафосом, делая скользкие, а иногда и совсем нецензурные примечания к названию и свойствам медикаментов. Остроумие искрилось в этих примечаниях, и даже люди, искусившиеся в юморе, не могли не смеяться.

Евгения Михайловна Чехова (1898–1984), племянница Чехова, дочь его младшего брата Михаила:

В конце 1896 года родители мои приехали на Рождество погостить в Мелихово. Время проводили весело, катались на коньках, гуляли, ездили ряжеными к соседям. Ольга Германовна нарядилась однажды парнем хулиганской внешности – в старые брюки, пиджак и картуз. Антон Павлович сам нарисовал ей усики и написал известную записку: «Ваше высокоблагородие! Будучи преследуем в жизни многочисленными врагами, и пострадал за правду, потерял место, а также жена моя больна чревовещанием, а на детях сыпь, потому покорнейше прошу пожаловать мне от щедрот ваших келькшос³ благородному человеку.

Василий Спиридонов Сволачев».

³ Кое-что (от фр. quelque chose).

С этой запиской моя будущая мама обходила хозяев и гостей большого васькинского дома и собирала в картуз шуточное «подаяние».

Мария Тимофеевна Дроздова (1871–1960), художница, приятельница М. П. Чеховой, гостя Мелихова:

После усиленной работы Антон Павлович любил устраивать разные шутки. Однажды к вечеру – было уже почти совсем темно – я сидела у террасы (в Мелихово. – Сост.), стараясь дочитать, несмотря на сумерки, что-то интересное и страшное. Вдруг в аллее, ведущей от флигеля к дому, показался какой-то темный силуэт. На фоне белых, в цвету, вишен и яблонь, в какой-то странной позе, со скрюченными руками и ужасной гримасой, человек шел прямо на меня. Эта было так неожиданно и страшно, что я не сразу сообразила, кто это, пока Антон Павлович не рассмеялся.

Как-то днем я писала красками в саду кусты сирени. Вдруг я услышала за спиной шаги, и передо мною прошелся, заслоня мою натуру, Антон Павлович такой походкой ферта-парижанина, в прекрасно сшитом костюме, синем берете, как носят французы, и с тростью в руке. Он прошелся несколько раз, мешая мне писать. Это было сделано с таким юмором, что я невольно рассмеялась. Костюм этот был вывезен из Парижа и надевался только ради шутки.

Антон Павлович всегда выдумывал что-нибудь неожиданное. Как-то раз после сытного обеда с гостями он, как всегда, ушел к себе отдохнуть, а мы расположились на террасе в плетеных креслах. Жара стояла адова, когда одолевает такая лень, что невольно впадаешь в дремоту. И вдруг с шумом распахнулась стеклянная дверь из гостиной, и гордо, спокойной походкой, виляя хвостиком, показался «Бром Исаевич». Его черная мордочка была расписана белилами в необычайно веселую смешную улыбку, что совершенно не соответствовало его важной походке. За ним сонно, вяло, только что пообедав, плелась, переваливаясь, его супруга, «Хина Марковна», такса темно-коричневой масти, с такой же накрашенной, необычайно веселой и игривой гримасой. Это было так неожиданно и смешно, что мы хохотали до слез. Не успели мы от смеха прийти в себя и сообразить, кто мог быть автором этой проделки, как, к нашему общему удовольствию и удивлению, так же неожиданно показался в дверях весело смеющийся Антон Павлович. Он был очень доволен, что его шутка удалась и вызвала у нас такой дружный и продолжительный смех. <...> Теперь я только поняла, почему он еще с вечера попросил у меня красок, будто бы для того, чтобы выкрасить у себя в комнате подоконник.

Александра Александровна Хотяинцева:

Раз я рисовала флигелек Антона Павловича с красным флажком на крыше, означавшим, что хозяин – дома и соседи-крестьяне могут приходить за советом. Хозяин, разговаривая со мной, прохаживался по дорожке за моей спиной, и неизменные его спутники таксы: «царский вагон», или Бром, и «рыжая корова», или Хина, сопровождали его. Кончаю рисовать, поднимаюсь, стоять не могу! Моя туфля-лодочка держалась только на носке, а в пятку Антон Павлович успел всунуть луковицу!

Владимир Алексеевич Гиляровский (1853, по другим сведениям 1855–1935), журналист, писатель:

Как-то в часу седьмом вечера, Великим постом, мы ехали с Антоном Павловичем с Миусской площади из городского училища, где брат его Иван был учителем, ко мне чай пить. Извозчик попался отчаянный: кто казался старше, он ли или его кляча, – определить было трудно, но обоим вместе сто лет насчитывалось наверное; сани убогие, без полости. <...> На углу Тверской и Страстной <...> мы остановились как раз против освещенной овощ-

ной лавки Авдеева, славившейся на всю Москву огурцами в тыквах и солеными арбузами. Пока лошадь отдыхала, мы купили арбуз, завязанный в толстую серую бумагу, которая сейчас же стала промокать, как только Чехов взял арбуз в руки. Мы поползли по Страстной площади, визжа полозьями по рельсам конки и скрежеща по камням. Чехов ругался – мокрые руки замерзли. Я взял у него арбуз.

Действительно, держать его в руках было невозможно, а положить некуда.

Наконец я не выдержал и сказал, что брошу арбуз.

– Зачем бросать? Вот городской стоит, отдай ему, он съест.

– Пусть ест. Городской! – поманил я его к себе.

Он, увидав мою форменную фуражку, вытянулся во фронт.

– На, держи, только остор...

Я не успел договорить: «осторожнее, он течет», как Чехов перебил меня на полуслове и трагически зашептал городскому, продолжая мою речь:

– Осторожнее, это бомба... неси ее в участок...

Я сообразил и приказываю:

– Мы там тебя подождем. Да не урони, гляди.

– Понимаю, вашевскродие.

А у самого зубы стучат.

Оставив на углу Тверской и площади городского с «бомбой», мы поехали ко мне в Столешников чай пить.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868–1959), артистка Московского Художественного театра с 1898 года. Жена Чехова:

Вообще Антон Павлович необычайно любил все смешное, все, в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сидя в уголке, подперев рукой голову, пощипывая бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказ через Антона Павловича.

Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957), писатель, мемуарист, организатор литературного кружка «Среда»:

Чехов любил всякие шутки, пустячки, приятельские прозвища и вообще охотник был посмеяться.

Федор Федорович Фидлер. Из дневника:

27 марта 1913. Когда он (Потапенко) находился вместе с Антоном Чеховым в южной России, где звук «и» произносится как «ы» («мыло» вместо «мил»), Чехов имел обыкновение шутить: «C'est très savon» («это очень мыло», т. е. «мил»).

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова:

Любил Антон Павлович выдумывать – легко, изящно и очень смешно, это вообще характерная черта чеховской семьи. Так, в начале нашего знакомства большую роль у нас играла «Наденька», якобы жена или невеста Антона Павловича, и эта «Наденька» фигурировала везде и всюду, ничто в наших отношениях не обходилось без «Наденьки», – она нашла себе место и в письмах.

Александр Иванович Куприн:

Он импровизировал целые истории, где действующими лицами являлись его знакомые, и особенно охотно устраивал воображаемые свадьбы, которые иногда кончались тем, что

на другой день утром, сидя за чаем, молодой муж говорил вскользь, небрежным и деловым тоном:

– Знаешь, милая, а после чаю мы с тобой оденемся и поедем к нотариусу. К чему тебе лишние заботы о твоих деньгах?

Юлия Ивановна Лядова (в замуж. Терентьева; 1861 – около 1930), дальняя родственница Чеховых:

Как-то мы разговаривали с Антоном Павловичем про мою хорошую знакомую – подругу моей сестры, Марию Николаевну Рыжикову, и он стал просить меня: «поедьте к ней, изобразимте перед ней жениха и невесту; скажите, что привезли познакомиться с ней своего жениха, только, чур, вести себя серьезно...». Рыжикова меня очень любила и была рада моему посещению, тем более, что я привезла своего жениха. Радовалась за меня, что я нашла свое счастье, расспрашивала его, любит ли он меня, где мы познакомились, и была к нам ласкова и внимательна. Он сказал, что очень любит свою невесту и страшно боится, как бы не расстроился наш брак, так как он просит за мной тридцать тысяч, а дают только двадцать пять. Это так поразило Марию Николаевну, что она обратилась ко мне и говорит: «Юлинька, что же это такое? Он, значит, женится не на тебе, а на твоих деньгах? Я бы на твоём месте вернула свое слово назад».

Долго спорила она с ним по поводу этой свадьбы. Так мы и уехали от нее женихом и невестой...

Иван Алексеевич Бунин:

Иногда он разрешал себе вечерние прогулки (в Ялте. – Сост.). Раз возвращаемся с такой прогулки уже поздно. Он очень устал, идет через силу – за последние дни много смочил платков кровью, – молчит, прикрывает глаза. Проходим мимо балкона, за парусиной которого свет и силуэты женщин. И вдруг он открывает глаза и очень громко говорит:

– А слышали? Какой ужас! Бунина убили! В Аутке, у одной татарки!

Я останавливаюсь от изумления, а он быстро шепчет:

– Молчите! Завтра вся Ялта будет говорить об убийстве Бунина.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Самая его жестокая шутка была такова. В Мелихове бродили «по наивному», как его называл Чехов, двору – голуби кофейного цвета с белым, так называемые египетские, и совершенно такой же расцветки кошка. А. П. уверил меня, что эти голуби произошли от скрещения этой кошки с обыкновенным серым голубем.

В то время в гимназии естественной истории не преподавали, и я в ней была совершенный профан. Хотя это и показалось мне странным, но не поверить такому авторитету, как А. П., я не решилась и, возвратясь в Москву, рассказала кому-то о замечательных чеховских голубях. Легко себе вообразить, какой восторг это вызвало в литературных кругах и как долго я стыдилась своего невежества.

Мария Тимофеевна Дроздова:

Как-то у Чеховых, когда они жили уже в новой квартире, был устроен большой вечер. Кажется, это был первый званый вечер в новой квартире и, как мне помнится, последний с таким большим собранием гостей. Были артисты Художественного театра, несколько литераторов, писатели Бальмонт, Гиляровский, Иван Бунин, Балтрушайтис, Брюсов, Леонид Андреев, люди науки. Все сидели в столовой за чайным столом. Вдруг в кабинете Антона Павловича раздался телефонный звонок. Антон Павлович поднялся, прошел в кабинет и, быстро вернувшись, радостно сообщил, что сейчас придет писатель Горький.

Когда вошел Горький, Антон Павлович подвел его ко мне и, представляя его, сказал: «Это Горький, а это писательница Микулич». После того как Горький раскланялся со всем обществом, Антон Павлович посадил его рядом со мной, а сам с улыбкой встал за моим стулом. Горький начал со мною разговор, принимая меня за Микулич, произведения которой мне не были известны. Он начал говорить, что ему очень нравится мой рассказ «Мимочка». Тут он запнулся – он не помнил, что делала Мимочка. Антон Павлович ему подсказал: «Мимочка на водах травится». Публика, зная, что я не Микулич, насторожилась, предвкушая какую-то выдумку Антона Павловича. Я, со своей стороны, старалась поддержать с Горьким разговор о Мимочке, не выдавая шутки Чехова, но, верно, не очень удачно, и Антон Павлович поспешил сказать: «Да это не Горький, а это не Микулич!» Я, горячась, начала убеждать Чехова, что отлично знаю Горького по его портретам, а Горький, в свою очередь, говорил, что узнает во мне по портретам Микулич и читал ее произведения. В конце наших взаимных уверений я наконец сообщила Горькому, что то, что он Горький, я так же твердо знаю, как и то, что только в шутку Антон Павлович наименовал меня именем Микулич. Эта шутка очень рассмешила всех.

Максим Горький:

Грубые анекдоты никогда не смешили его.

Жизненная позиция

Антон Павлович Чехов. *Из письма Л. А. Авиловой. Ницца, 6 (18) октября 1897 г.:*

Я человек жизнерадостный; по крайней мере первые 30 лет своей жизни прожил, как говорится, в свое удовольствие.

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 11 июля 1894 г.:*

Ничего нет скучнее и непоэтичнее, так сказать, как прозаическая борьба за существование, отнимающая радость жизни и вгоняющая в апатию.

Антон Павлович Чехов. *Из записной книжки:*

Когда живешь дома, в покое, то жизнь кажется обыкновенною, но едва вышел на улицу и стал наблюдать, расспрашивать, например, женщин, то жизнь – ужасна. Окрестности Патриарших прудов на вид тихи и мирны, но на самом деле жизнь в них – ад [и так ужасна, что даже не протестует].

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Москва, 9 декабря 1890 г.:*

Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное – надо быть справедливым, а остальное все приложится.

Александр Николаевич Тихонов (1880–1956), прозаик, мемуарист:

– Вот меня часто упрекают – даже Толстой упрекал, – что я пишу о мелочах, что нет у меня положительных героев: революционеров, Александров Македонских или хотя бы, как у Лескова, просто честных исправников... А где их взять? Я бы и рад! – Он грустно усмехнулся. – Жизнь у нас провинциальная, города немощные, деревни бедные, народ поношенный... Все мы в молодости восторженно чирикаем, как воробьи на дерьме, а к сорока годам – уже старики и начинаем думать о смерти... Какие мы герои!

Алексей Сергеевич Суворин:

Я раз спросил его в письме (1894 г.): «Что должен желать теперь русский человек?» – «Вот мой ответ, – писал он, – желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство». Это кратко и неопределенно, но это выразительно и верно. Сам он всегда желал, желал прогресса русской жизни, желал сильных характеров, дарований, желал и искал весь свой краткий век солнца и так и умер, не увидав его настоящего блеска.

Константин Сергеевич Станиславский (наст. фам. Алексеев; 1863–1938), режиссер, актер, педагог. *На сцене с 1877 года. В 1898-м совместно с В. И. Немировичем-Данченко создал Московский Художественный театр:*

Я вижу его гораздо чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, несмотря на то, что я знавал его в плохие периоды болезни. Там, где находился больной Чехов, чаще всего царила шутка, острота, смех и даже шалость. Кто лучше его умел смешить или говорить глупости с серьезным лицом? Кто больше его ненавидел невежество, грубость, нытье, сплетню, мещанство и вечное питье чая? Кто больше его жаждал жизни, культуры, в чем бы и как бы

они ни проявлялись? Всякое новое полезное начинание – зарождающееся ученое общество или проект нового театра, библиотеки, музея – являлось для него подлинным событием. Даже простое очередное благоустройство жизни необычайно оживляло, волновало его. Например, помню его детскую радость, когда я рассказал ему однажды о большом строящемся доме у Красных ворот в Москве взамен плохенького одноэтажного особняка, который был снесен. Об этом событии Антон Павлович долго после рассказывал с восторгом всем, кто приходил его навещать: так сильно он искал во всем предвестников будущей русской и всечеловеческой культуры не только духовной, но даже и внешней.

Александр Семенович Лазарев:

Ничто так не любил Чехов в человеке, как талант, и людей, обнаруживавших хотя бы небольшие блески таланта, не стеснясь выделял из среды заурядной толпы.

Благотворитель

Александр Семенович Лазарев:

Чехов был одним из самых отзывчивых людей, которых я встречал в своей жизни. Для него не существовало мудрого присловья «моя хата с краю, я ничего не знаю», которым практические люди освобождаются от излишних хлопот. Услышав о чьем-либо горе, о чьей-либо неудаче, Чехов первым долгом считал нужным спросить:

– А нельзя ли помочь чем-нибудь?

Необычайно трогательна и характерна фраза Чехова, которую вспоминает, кажется, Мария Павловна, на ту тему, что на каждую просьбу нужно отозваться, и если нельзя дать того, что просят, в полной мере, то нужно дать хоть половину, хоть четверть, но дать непременно.

Эту отзывчивость Чехов пронес через всю свою жизнь, как драгоценное вино, не расплескав, не утратив ни капли.

В письменном столе Чехова вечно лежали чужие рассказы, он исправлял их, рассылал в те издания, где сам работал, и даже в те, где сам не работал, в «Московскую иллюстрированную газету» например; давал советы начинающим авторам, если видел в них хотя тень дарования; хлопотал об издании книг тех беллетристов, у которых уже успели накопиться материалы для книг.

– Вам нужно издаться! – говорил он мне и другим беллетристам при мне много раз. – Вас будут знать. Выпущенная книга повысит ваш гонорар.

На робко брошенные мысли, что издаться не легко, что охотников до издания книг начинающих авторов немного, Чехов возражал:

– Пустяки! Подождите, нужно будет придумать что-нибудь.

И, конечно, при своих литературных связях он придумывал кое-что и находил для своего протеже издателя.

Исаак Наумович Альтшуллер:

Для Чехова составляло величайшее удовольствие помогать другим, и он постоянно для кого-нибудь что-нибудь устраивал. Он рекомендовал учителей в гимназии, хлопотал перед архиереем о месте для священника и, уже тяжело больной, искал через друзей протекции для московского дьякона, которому нужно было сына-студента перевести из Юрьева в Москву. Подыскивал для знакомых и приятелей-москвичей комнаты и квартиры, выписывал для них каталоги растений, помогал начинающим писателям завязать отношения с редакциями, хлопотал о постановке чужих пьес, вечно устраивал каких-нибудь больных учительниц или земских служащих. И уезжая в Москву, он каждый раз спрашивал, не надо ли чего привезти, прислать, особенно из Москвы, где, по его мнению, только и можно было достать все настоящее и хорошее и откуда он сам выписывал для себя и писчую бумагу, и конверты, и колбасу, и резиновые калоши, и многое другое, что можно было получить в любом магазине на набережной и получения чего из Москвы он иногда дожидался неделями. Но переубедить его в этом было невозможно. <...> Расчетливо тративший на себя, он много раздавал, тайно помогал отдельным учащимся.

Александр Иванович Куприн:

Внимательность его бывала иногда прямо трогательной. Один начинающий писатель приехал в Ялту и остановился где-то за Ауткой, на окраине города, наняв комнатку в шумной и многочисленной греческой семье. Как-то он пожаловался Чехову, что в такой обстановке трудно писать, – и вот Чехов настоял на том, чтобы писатель непременно приходил

к нему с утра и занимался у него внизу, рядом со столовой. «Вы будете писать внизу, а я вверху, – говорил он со своей очаровательной улыбкой. – И обедать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите мне или, если уедете, пришлите хотя бы в корректуру».

Сергей Николаевич Щукин:

Антон Павлович спрашивал, давно ли я в Ялте, почему поступил учителем церковной школы; узнав во мне северянина, он еще более оживился и сообщил, что получает газету «Северный край», которая в то время выходила в Ярославле.

А. П-ч встал и принес мне последние номера газеты.

– Возьмите себе, – сказал он, – вам это, наверно, будет интересно. – И потом, когда я уходил, он говорил: – Заходите ко мне вечером, непременно заходите. – Провожая, увидел мое пальто. Шел, кажется, ноябрь, на дворе стоял холод, а пальто было летнее. Чехов удивился. – Слушайте, – сказал он, – так лечиться нельзя, вам надо теплое пальто.

Меня это сконфузило; я как-то случайно не приобрел еще зимней одежды.

– Но с этого и лечение надо начать, – сказал он внушительно, – непременно купите пальто. <...>

Через два или три дня мне принесли с почты несколько новых номеров «Северного края»; адрес был написан знакомым – по квитанции – почерком Антона Павловича. Прошло два дня, и опять принесли газету. И это установилось постоянно; каждые два-три дня я получал ее по городской почте с адресом, надписанным рукою Чехова. <...>

Через некоторое время захожу в магазин Синани, спрашиваю какую-то книгу. Книги не оказалось. Тогда господин, сидевший в магазине, на которого я не обратил внимания, вдруг проговорил:

– Но если у вас нет книги, почему вы ее не выпишете?

Это был Чехов.

– Ну, что, – сказал он, – получаете газету?

– Да, только мне совестно...

Но он прервал мои слова:

– Есть в ней что-нибудь интересное для вас?

– Есть.

– Вот и хорошо, читайте.

<...> С этого времени, где бы Чехов ни был – в Москве, в Мелихове, в дороге, каждые два – четыре дня он постоянно присылал мне «Северный край». Впоследствии, когда он переселился в Ялту, мне же пришлось оттуда уехать, он присылал газету по моему новому адресу из Ялты. Года три или четыре, пока судьба опять не привела в этот город и меня, А. П-ч каждые два-три дня не уставал и не забывал присылать мне газету.

После его смерти пришлось прочесть, что покойный писатель вообще любил заклеивать и надписывать бандероли. Может быть; но думаю, что по крайней мере в моем случае было больше любви к человеку, чем к бандеролям.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова:

Он с особенной любовью и вниманием относился к почте и почтальонам. Вспоминается случай на Каме, когда мы плыли по трем рекам в Уфимскую губернию, на кумыс, в 1901 году, и случайно застряли в Пьяном Бору. Это была очень глухая пристань на Каме. Селение было в нескольких верстах от берега. Антон Павлович, несмотря на дальнейшее расстояние, решил обязательно съездить в это селение, отыскать почту и... купить марок – рублей на 5–6...

– Зачем?

– Чтобы дать заработать почтовой конторе, затерявшейся в таком захолустье.

Иван Алексеевич Новиков (1877–1958), писатель:

Чехов был пристально внимателен к другому человеку – совсем для него случайному. И это не был интерес специфически писательский, а именно человеческий.

Общественный деятель

Мария Тимофеевна Дроздова:

Где бы ни жил Антон Павлович, везде он старался всеми способами вносить культуру в жизнь. Он построил на свои средства в Серпуховском уезде три школы и убеждал своих знакомых собирать деньги для школ.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Дальше: в 1892 году в России был голод. Многие губернии были объявлены «пострадавшими от неурожая» – официальное название голода. Особенно пострадали губернии Нижегородская и Воронежская. У Чехова был приятель в нижегородском земстве. А. П. организовал широкую подписку и в суровую зиму отправился туда. Там он устраивал столовые, кормил крестьян, делал что только мог. Между прочим: голодавшее население или продавало за бесценок скот, который нечем было кормить, или убивало его, тем самым обрекая себя еще на голодный год. Чехов организовал скупку лошадей на местах и прокорм их на общественный счет с тем, чтобы весной раздать безлошадным крестьянам.

Живя в Мелихове, он все время выискивал, что бы сделать для крестьян. Его выбрали в земские гласные серпуховского земства, и он очень серьезно относился к своим обязанностям. Ушел с головой в вопросы народного образования и здравоохранения. Ему обязаны школами Талеж, Новоселки и Мелихово. Он сам наблюдал за стройкой, закупал материалы, делал сметы и чертежи. Принимал деятельное участие в постройке земской больницы, добился проведения шоссе от Лопасни до Мелихова, строил в деревнях пожарные сараи и пр.

Но своим уездом он своей деятельности не ограничивал.

Антон Павлович Чехов. Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 11 января 1897 г.:

У нас перепись. Выдали счетчикам отвратительные чернильницы, отвратительные аляповатые знаки, похожие на ярлыки пивного завода, и портфели, в которые не лезут переписные листы, – и впечатление такое, будто сабля не лезет в ножны. Срам. С утра хожу по избам, с непривычки стучаюсь головой о притолоки, и как нарочно голова трещит адски; и мигрень, и инфлуэнца. В одной избе девочка 9 лет, приемышек из воспитательного дома, горько заплакала от того, что всех девочек в избе называют Михайловнами, а ее, по крестному, Львовной. Я сказал: «Называйся Михайловной». Все очень обрадовались и стали благодарить меня. Это называется приобретать друзей богатством несправедливым.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Он, можно сказать, явился основоположником библиотеки в своем родном городе Таганроге. Начал с того, что всю свою большую прекрасную библиотеку, собранную за многие годы, пожертвовал городу, оставив себе только книги для личного пользования. Не удовольствовавшись этим, вошел в контакт с таганрогским городским головою Иордановым и взял на себя постоянное пополнение библиотеки. Скоро она стала одной из лучших в провинции; он отправлял туда целые транспорты книг, как купленных им на свои средства, так и «выпрошенных» у знакомых авторов, издателей и редакторов. По его мысли, стало формироваться при библиотеке нечто вроде справочного бюро, где каждый мог бы найти ответ на все вопросы – начиная от распоряжений правительства и кончая новостями искусства, – широко помогая читателю в любых отраслях знания, истории, медицины и пр. Но тут же он писал Иорданову: «Только никому не говорите о моем участии в делах библиотеки: не люблю, когда треплют мое имя».

Интересовался он и таганрогским музеем, подавал советы относительно «его устройства и пополнения», а будучи в Париже, специально познакомился с знаменитым скульптором Антокольским, чтобы заказать ему статую Петра I для постановки памятника в Таганроге, и сам выбирал место для этого памятника.

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 1 марта 1897 г.:*

На съезде актеров Вы, вероятно, увидите проект громадного народного театра, который мы затеваем. Мы, т. е. представители московской интеллигенции (интеллигенция идет навстречу капиталу, и капитал не чужд взаимности). Под одной крышей, в красивом, опрятном здании помещаются театр, аудитории, библиотека, читальня, чайные и проч. и проч. План готов, устав пишется, и остановка теперь за пустяком – нужно ½ миллиона. Будет акционерное общество, но не благотворительное. Рассчитывают, что правительство разрешит сторублевые акции. Я так вошел во вкус проекта, что уже верю в дело и удивляюсь, отчего Вы не строите театра. Во-первых, это нужно, и во-вторых, это весело и займет два года жизни. Театр как здание, если он выстроен не нелепо, не похож на Панаевский, ни в каком случае не даст убытка.

Недавно я устраивал в Серпухове спектакль в пользу школы. Играли любители из Москвы. Играли солидно, с выдержкой, лучше актеров. Платья из Парижа, бриллианты настоящие, но очистилось всего 101 р.

Михаил Павлович Чехов:

Как местный житель (Ялты. – Сост.), он был избран в члены попечительского совета женской гимназии, и при этом еще приходилось выносить и много душевных волнений из-за чахоточных больных, которые со всех концов России стали обращаться к нему с просьбами устроить их в Ялте. А те, которые приезжали сами по себе, были так бедны, что кончали в Ялте свою жизнь в невозможных условиях и в тоске по родине. Приходилось подумать и о них. Антон Павлович хлопотал за всех, печатал воззвания в газетах, собирал деньги и посильно облегчал их положение. Между прочим, он тогда пожертвовал 500 рублей на постройку школы в Мухолатке.

Антон Павлович Чехов. *Из письма П. Ф. Иорданову. Ялта, 11 декабря 1899 г.:*

Помнится, Вы хотели сделать меня членом приюта. Пожалуйста, сделайте из меня и со мной все, что только для Таганрога из меня можно сделать, отдаю себя в полное Ваше распоряжение.

Врач

Федор Федорович Фидлер. *Из дневника:*

17 января 1893. Я спросил его, является ли он врачом по убеждению, и он ответил, помедлив: «Да... я почти уверен и знаю по собственному опыту, что медицина в одних случаях может значительно облегчить страдания, а в других – удлинять человеческую жизнь».

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Еще студентом-медиком он уже лечил и практиковал. Покойный В. Я. Зеленин, зять артистки Ермоловой – впоследствии сам видный доктор, – рассказывал мне, как его, тогда еще гимназиста последних классов, жившего с Чеховым в одних и тех же меблированных комнатах, А. П. лечил и вылечил от тяжелого тифа.

Михаил Павлович Чехов:

В 1884 году мой брат Антон окончил курс в университете и явился в чикинскую больницу на практику уже в качестве врача. <...>

В середине лета 1884 года брат Антон, прихватив с собой меня, отправился в Звенигород уже в качестве заведующего тамошней больницей на время отпуска ее врача С. П. Успенского. Вот тут-то ему и пришлось окунуться в самую гущу провинциальной жизни. Он здесь и принимал больных, и в качестве уездного врача, тоже уехавшего в отпуск, должен был исполнять поручения местной администрации, ездить на вскрытия и быть экспертом в суде.

Павел Арсеньевич Архангельский (1852–1913), врач Воскресенской земской больницы Звенигородского уезда. *Под его руководством Чехов работал в больнице в студенческие годы и в первый год врачебной практики:*

Он часто проводил в лечебнице время с утра и до окончания приема... А. П. производил работу не спеша, иногда в его действиях выражалась как бы неуверенность: но все он делал с вниманием и видимой любовью к делу, особенно с любовью к тому больному, который проходил через его руки. Он всегда терпеливо выслушивал больного, ни при какой усталости не возвышал голоса, хотя бы больной говорил неотносящееся к уяснению болезни.

Михаил Павлович Чехов:

В это время Антон Павлович только первый год был врачом и колебался, заняться ли ему медициной или отдаться литературе. У Спенглеров были маленькие дети, и они-то и стали первыми пациентами Антона Павловича. В качестве гонорара за лечение Спенглеры поднесли ему портмоне, в котором оказалась большая золотая турецкая монета, которую мы называли лирой. Часто потом эта лира выручала Антона Павловича в минуты жизни трудные. Он передавал ее мне, я относил ее в ломбард, закладывал там за десять рублей, и на несколько часов у брата Антона бренчали деньги в кармане. За Нелли же стал заметно ухаживать мой брат, художник Николай.

Вторыми пациентами Антона Павловича были некие Яновы, и здесь он, как говорится, попал в такую «ореховую отделку», что уже окончательно решил отдаться литературе. Жил в Москве художник А. С. Янов, который учился живописи вместе с моим братом Николаем, – отсюда и это знакомство чеховской семьи с Яновыми. <...> В описываемое мною время он жил очень бедно с матерью и тремя сестрами, добрыми молоденькими существами. Случилось так, что эти три сестры и мать одновременно заболели брюшным тифом. А. С. Янов пригласил к ним брата Антона. Молодой, еще неопытный врач, но готовый отдать свою жизнь для выздоровления больного, Антон Павлович должен был целые часы проводить

около своих больных пациенток и положительно сбивался с ног. Болезнь принимала все более и более опасное положение, и, наконец, в один и тот же день мать и одна из дочерей скончались. Умирая, в агонии, дочь схватила Антона Павловича за руку, да так и испустила дух, крепко стиснув ее в своей руке. Чувствуя себя совершенно бессильным и виноватым, долго ощущая на своей руке холодное рукопожатие покойницы, Антон Павлович тогда же решил вовсе не заниматься медициной и окончательно перешел потом на сторону литературы. Две другие сестры выздоровели и затем часто у нас бывали. Одна из них вышла золотом альбом и преподнесла его Антону Павловичу с надписью: «В память избавления меня от тифа».

Григорий Иванович Россолимо:

По окончании медицинского факультета он не бросил медицину, он работал в качестве земского врача в Воскресенске и Звенигороде Московской губернии и через семь-восемь лет после окончания курса заведовал во время холерной эпидемии мелиховским участком тоже Московской губернии. Работал он с любовью и добросовестно, как об этом гласят предания.

Игнатий Николаевич Потапенко:

У кого-то я прочитал, будто Антон Павлович страстно любил лечить. Вот чего я никогда не находил в нем. Когда к нему обращались за врачебным советом, он отделялся самыми общими местами, и видно было, что он хотел поскорее кончить этот разговор. <...>

Когда в Мелихове приходили к нему мужики и бабы с нарывами и глубокими порезами и ему об этом сообщали, он кривился <...>, но не отказывал, принимал, с величайшим вниманием осматривал, резал, вычищал и перевязывал. <...>

Но это вытекало скорее из сознания долга, чем из любви к делу.

Исаак Наумович Альтшуллер:

За последние 10–15 лет он научной медициной не занимался. Правда, в Ялту из редакции «Русской мысли» ему аккуратно пересылался медицинский еженедельник «Русский врач», но он в нем прочитывал только хронику и иногда мелкие так называемые «заметки из практики». И, случалось, любил поразить: «Вы читали в последнем номере о новом средстве от геморроя?» – «Нет, не читал». – «Вот, сударь, и растеряете практику. А я вот прочитал и уж Кондакова вылечил. Прекрасное средство». И на письменном столе слева всегда лежал молоточек и трубочка для выслушивания и медицинский календарь Риккера за текущий год. Но он принимал всегда деятельное участие в лечении своих домашних или заболевшей прислуги. Любил давать советы своим приятелям и расспрашивать про их болезни. Но обычно это оканчивалось указанием, что надо серьезно лечиться и обратиться к врачу. Была у него слабость – он любил писать рецепты. И, зная это, я старался не прописывать ему лекарств, а обыкновенно он стоит, бывало, у телефона и под мою диктовку передает заказ в аптеку, особенно при этом как-то отчеканивая латинские названия. Заставлял провизора повторить и прибавлял в конце: (для автора) д-р Чехов.

Антон Павлович Чехов. Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 2 августа 1893 г.:

Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикант женился, а через неделю зовет меня «непременно сию минуту, пожалуйста»: у него <...>, а у красавицы молодой <...>. Старик фабрикант 75 лет женится и потом жалуется, что у него «ядрышки» болят оттого, что «понатужил себя». Все это противно, должен я Вам сказать. Девочка с червями в ухе, поносы, рвоты, сифилис – тьфу!! Сладкие звуки и поэзия, где вы?

Больной, его болезни и лечение

Игнатий Николаевич Потапенко:

А себя он не лечил вовсе. Странно, непостижимо относился он к своему здоровью. Жизнь любил он каждой каплей своей крови и страстно хотел жить, а о здоровье своем почти не заботился. <...>

И это равнодушие к своему здоровью меня поражало. Он и бронхита своего почти не лечил и не остерегался.

Вообще по отношению к болезням он проявлял какое-то ложное мужество. Он как будто стыдился слишком много заниматься ими, считал это малодушием. <...>

Я, например, никогда не слышал от него, чтобы он советовался с каким-нибудь профессором о своем здоровье.

Исаак Наумович Альтшуллер:

Было два верных способа сделать неприятность Чехову и заставить его съежиться: это – коснуться поподробнее его здоровья или его текущих литературных работ.

Михаил Павлович Чехов:

Первое кровохарканье случилось с ним еще в 1884 году в Московской судебной палате, когда он вел для «Петербургской газеты» записки по известному Рыковскому процессу. <...>

Особенно сильно кашлял брат Антон, когда мы жили на Кудринской-Садовой.

Антон Павлович Чехов. Из письма А. С. Суворину. Москва, 14 октября 1888 г.:

Впервые я заметил его у себя 3 года тому назад в Окружном суде: продолжалось оно дня 3–4 и произвело немалый переполох в моей душе и в моей квартире. Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. После этого я раза два в год замечал у себя кровь, то обильно текущую, т. е. густо красящую каждый плевок, то не обильно... Третьего дня или днем раньше – не помню, я заметил у себя кровь, была она и вчера, сегодня ее уже нет. Каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве. Когда же нет крови, я не волнуюсь и не угрожаю русской литературе «еще одной потерей». Дело в том, что чахотка или иное серьезное легочное страдание узнаются только по совокупности признаков, а у меня-то именно и нет этой совокупности. Само по себе кровотечение из легких не серьезно; кровь льется иногда из легких целый день, она хлещет, все домочадцы и больной в ужасе, а кончается тем, что больной не кончается – и это чаще всего. Так и знайте на всякий случай: если у кого-нибудь, заведомо не чахоточного, вдруг пойдет ртом кровь, то ужасаться не нужно. Женщина может потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менее половины.

Если бы то кровотечение, какое у меня случилось в Окружном суде, было симптомом начинающейся чахотки, то я давно уже был бы на том свете – вот моя логика.

Михаил Павлович Чехов:

Усилившийся геморрой не давал ему покоя, мешал ему заниматься, навел на него хандру и мрачные мысли и делал его раздражительным из-за пустяков. А тут еще стал донимать его и кашель. В особенности он беспокоил его по утрам. Прислушиваясь к этому кашлю из столовой, мать, Евгения Яковлевна, вздыхала и поглядывала на образ.

– Антоша опять пробухал всю ночь, – говорила она с тоской.

Но Антон Павлович даже и вида не подавал, что ему плохо. Он боялся нас смутить, а может быть, и сам не подозревал опасности или же старался себя обмануть. Во всяком

случае, он писал Суворину, что будет пить хину и принимать любые порошки, но выслушать себя какому-нибудь врачу не позволит. Я сам однажды видел мокроту писателя, окрашенную кровью. Когда я спросил у него, что с ним, то он смутился, испугался своей оплошности, быстро смыл мокроту и сказал:

– Это так, пустяки... Не надо говорить Маше и матери.

Ко всему этому присоединилась еще мучительная боль в левом виске, от которой происходило надоедливое мелькание в глазу (скотома). Но все эти болезни овладевали им приступами. Пройдут – и нет. И снова наш Антон Павлович весел, работает – и о болезнях нет и помина.

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 26 апреля 1893 г.:*

Ну, буду писать прежде всего о своей особе. Начну с того, что я болен. Болезнь гнусная, подлая. Не сифилис, но хуже – геморрой <...> боль, зуд, напряжение, ни сидеть, ни ходить, а во всем теле такое раздражение, что хоть в петлю полезай. Мне кажется, что меня не хотят понять, что все глупы и несправедливы, я злюсь, говорю глупости; думаю, что мои домашние легко вздохнут, когда я уеду. Вот какая штука-с! Болезнь мою нельзя объяснить ни сидячею жизнью, ибо я ленив был и есмь, ни моим развратным поведением, ни наследственностью. У меня когда-то было воспаление брюшины; надо думать, что просвет кишки у меня уменьшился от воспаления и где-нибудь перетяжка сдавила сосуд. Резюме: надо делать операцию.

Антон Павлович Чехов. *Из письма Н. А. Лейкину. Мелихово, 29 августа 1895 г.:*

Я не совсем здоров. 8 августа я был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и, вероятно, простудился у него или на обратном пути; 9-го августа у меня заболели волосы и кора правой половины головы, затем боль шла все crescendo, и 15–16-го у меня начались сильные невралгические боли в правом глазу и в правом виске. Поехал я в Серпухов, вырвал зуб, принял чертову пропасть антипирина, фенацетина, хины и проч. и проч. – и ничего не помогло. Только после 20-го боль стала сдаваться, и вот я уже могу писать и чувствую только боль в коре головы и в волосах, когда до них дотрагиваешься. Такое свинство.

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 26 июня 1896 г.:*

Был в Москве у глазного врача. Один глаз у меня дальнозоркий, другой близорукий. Правый в прошлом году едва не погиб; была невралгия, осложненная сыпью на роговице, и теперь остался легкий парез аккомодации и боль. Получил приказ лечиться электричеством, мышьяком и морем. Привез кучу очков и лупу для упражнения левого глаза, который не умеет читать. Совсем калека!

Антон Павлович Чехов. *Из письма Н. М. Линтваревой. Мелихово, 1 мая 1897 г.:*

У меня гостит в настоящее время глазной врач со своими стеклами. Вот уже два месяца, как он подбирает для меня очки. У меня так называемый астигматизм – благодаря которому у меня часто бывает мигрень, и кроме того, еще правый глаз близорукий, а левый дальнозоркий.

Исаак Наумович Альтшуллер:

В самое первое время нашего знакомства Чехов про болезнь свою не говорил. В конце ноября 1898 года рано утром мне принесли от него записку, в которой он просил зайти, захватив с собой «стетоскопчик и ларингоскопчик», так как у него кровохарканье, – и я действительно застал его с порядочным кровотечением. Ларингоскоп тут был ни при чем, потому что не могло быть никакого сомнения, что это настоящее легочное кровотечение. Когда через несколько дней я мог его детально исследовать, то я был поражен найденным. В этот первый наш медицинский разговор Чехов начал летосчисление с года поездки на Сахалин (1890),

когда у него в дороге появилось будто бы первое кровохарканье, но впоследствии выяснилось, что оно было уже в 1884 году и потом довольно нередко повторялось. И с студенческих лет он много кашлял, весной и осенью плохо себя чувствовал и нередко лихорадил, но объяснял это инфлуэнцей, никогда не лечился, не давал себя выслушивать, чтобы «чего-нибудь там не нашли». Объяснял кровохарканье горлом, а кашель – простой простудой, хотя, по его собственным словам, временами превращался в стрекозиные мощи. <...> И даже, несмотря на кровохаркания, единственный симптом, производивший на него впечатление, так как «в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве», и даже после смерти брата Николая от скоротечной чахотки в 1889 году он еще заявляет, что «ни за что выслушивать себя не позволит», и только хлынувшая весной 1897 года в необычно большом количестве кровь и вмешательство друзей заставили его лечь в клинику профессора Остроумова. С того времени, очевидно, процесс неуклонно прогрессировал. И я при первом исследовании уже нашел распространенное поражение в обоих легких, особенно в правом, с несколькими кавернами, следы плевритов, значительно ослабленную, перерожденную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание. Мои тогдашние попытки убедить Чехова в необходимости серьезно лечиться не привели ни к чему. Он упорно заявлял, что лечиться, заботиться о здоровье – внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать. Поэтому и выработал он такую манеру говорить, не повышая голоса, медленно, монотонно, останавливаясь при чувстве раздражения гортани, чтобы удержать кашель, а если уже приходилось кашлять, то мокрота отплевывалась в маленький, заранее приготовленный бумажный фунтик, тут же где-нибудь лежавший за книгами на столе и отправляемый потом в камин. Только с дипломатическими подходами, как будто невзначай или пользуясь случайными поводами, удавалось его послушать и заставить сделать то или иное. Только с 1901 года он перешел на положение настоящего пациента и сам уж часто предлагал: «Давайте послушаемся». Но и тут заставить его лечь, вообще заняться лечением, главным образом и прежде всего, было нельзя. И не только с посторонними он не любил говорить о своей болезни, но и от своих домашних скрывал свои немощи, никогда не жаловался; на вопрос: «как себя чувствуешь?» – отвечал: «сейчас хорошо, почти здоров, только вот кашель», – или «голова болит», или что-нибудь в этом роде. К несчастью, процесс уже находился в той стадии, когда на выздоровление не могло быть никакой надежды, а можно было только стремиться к замедлению темпа болезни или к временному улучшению состояния больного. <...>

Зимы 1901–1902, 1902–1903 годов он проводит в Ялте и почти все время очень плохо себя чувствует <...>.

К концу этого периода он очень изменился и внешне. Цвет лица приобрел сероватый оттенок, губы стали бескровны, он еще больше похудел и заметно поседел. Деятельность сердца все ухудшалась, процесс в легких все расплзался. В соответствии с этим стала все резче проявляться одышка, появились симптомы и туберкулезного поражения кишок.

Максим Горький:

Болезнь иногда вызывала у него настроение ипохондрика и даже мизантропа. В такие дни он бывал капризен в суждениях своих и тяжел в отношении к людям.

Однажды, лежа на диване, сухо покашливая, играя термометром, он сказал:

– Жить для того, чтоб умереть, вообще не забавно, но жить, зная, что умрешь преждевременно, – уж совсем глупо...

Исаак Наумович Альтшуллер:

Весною 1903 года, с благословения известного московского клинициста проф. Остроумова, принимается решение зиму проводить в Москве. Но осенью 1903 года он не перестает

лихорадить, один плеврит следует за другим, трудно поддающиеся лечению расстройства кишечника. Он уже не скрывает своего плохого самочувствия. А Художественный театр, увлеченный своими задачами, связанный планом, торопит скорейшей присылкой «Вишневого сада». Все чаще я заставлял Чехова в кресле или на диване, уже без книжек и газет в руках, и он впервые не избегал говорить о своей работе, а жаловался, как трудно ему диктовать и переписывать пьесу, – он мог делать это только урывками.

В октябре я в последний раз попытался задержать его, сказал ему почти всю правду, умолял не губить себя, не ездить в Москву, что это безумие. Он об этом написал в Москву, но к декабрю все-таки уехал. Дальнейшее известно. Повторяю – то, что случилось при сложившихся обстоятельствах, было неизбежно. <...>

Ольга Леонардовна мне потом с возмущением рассказывала, как в Берлине в «Савой-отель» к нему приехал приглашенный известный клиницист проф. Эвальд. Внимательно осмотрев больного, он развел руками и, ничего не сказав, вышел. Это, конечно, было жестоко, но развел он руками, наверное, от недоумения, зачем и куда такого больного везут.

Вера

Исаак Наумович Альтшуллер:

Был ли Чехов верующим?

Он сам, если судить по его письмам, считал себя атеистом и говорил о том, что веру потерял и вообще не верит в интеллигентскую веру. Еще недавно человек, хорошо его знавший, рассказывал мне, как раз, во время рыбной ловли, услышав церковный благовест, Чехов обратился к нему со словами: «Вот любовь к этому звону – все, что осталось еще у меня от моей веры».

Я только в самом начале слышал от него замечания в этом роде. Но я помню и такой случай. Как-то пришлось к разговору, я рассказал ему о слышанном много в публичной лекции одного профессора про четвертое измерение и спросил его: верит ли он в четвертое измерение. Он ничего не ответил. Через несколько дней совершенно неожиданно он вдруг говорит: «А знаете, четвертое измерение-то, может, окажется и существует, и какая-нибудь загробная жизнь...» Он носил крестик на шее. Это, конечно, не всегда должно свидетельствовать о вере, но еще меньше ведь об отсутствии ее. Еще в 1897 году он в своем таком скудном, всего с несколькими записями, и то не за каждый год, дневнике отметил: «Между „есть Бог“ и „нет Бога“ лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому он обыкновенно не знает ничего или очень мало». Мне почему-то кажется, что Чехов, особенно последние годы, не переставал с трудом продвигаться по этому полю, и никто не знает, на каком пункте застала его смерть.

Иван Алексеевич Бунин:

Много раз старательно-твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме – сущий вздор:

– Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два четыре, докажу вам, что бессмертие – вздор.

Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное:

– Ни в коем случае не можем мы исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие – факт. Вот погодите, я докажу вам это...

Михаил Осипович Меньшиков:

Религии Чехов не любил касаться. Только один раз в Ялте, на берегу моря, у нас как-то завязался разговор о Боге и быстро оборвался. «Я не знаю, – сказал Чехов, – что такое вечность, бесконечность, я себе об этом ничего не представляю, ровно ничего. Жизнь за гробом для меня что-то застывшее, холодное, немое... Ничего не знаю». Трезвая и честная душа его боялась бреда, боялась внушений, противоречащих опыту, боялась того «раздражения пленной мысли», которые многие принимают за голос свыше. Но той поэзии, которая сопровождает веру, Чехов не был чужд. Он с теплым чувством вспоминал об обычае в их семье, начиная с 1 сентября, читать ежедневно по вечерам «Жития святых», и во многих рассказах эта детская начитанность Чехова очень заметна. Звон монастырского колокола на заре вечерней, искры солнца на далеких крестах, умиление бедной человеческой молитвы, тихие восторги сердца и предание себя Высшей Воле – все это было понятно Чехову и, может быть, не так уж чуждо.

Зинаида Григорьевна Морозова:

Дело было к вечеру, окна выходили на запад, был чудесный закат. В Замоскворечьи зазвонили к вечерне.

– Люблю церковный звон. Это все, что у меня осталось от религии – не могу равнодушно слышать звон. Я вспоминаю свое детство, когда я с нянькой ходил к вечерне и заутрени.

Федор Федорович Фидлер. *Из дневника:*

28 июня 1904. В другой раз Михайловский и Чехов проезжали зимой мимо Исаакиевского собора; колонны были покрыты инеем, и Чехов сказал, что в таком виде храм особенно прекрасен...

Цветовод и садовник

Мария Тимофеевна Дроздова:

Антон Павлович относился ко всему растущему с радостным любопытством.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

У всех Чеховых есть одно свойство: их, как говорится, «слушаются» растения и цветы – «хоть палку воткни, вырастет», – говорил А. П. Он сам был страстный садовод и говорил, так же как Чайковский, что мечта его жизни, «когда он не сможет больше писать», – заниматься садом.

Александра Александровна Хотяинцева:

Он очень любил цветы. В Мелихове он разводил розы, гордился ими. Гостьям-дашницам из соседнего имения (Васькина) он сам нарезал букеты. Но срезал «спелые» цветы, те, которые нужно было срезать по правилам садоводства, и «чеховские» розы иногда начинали осыпаться дорогой, к большому огорчению дачниц, особенно одной, поклонницы Чехова, которую Антон Павлович прозвал «Аделаидой». <...>

Тут же около роз находился огород с любимыми «красненькими» (помидоры) и «синенькими» (баклажаны)⁴ и другими овощами.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова:

Вид срезанных или сорванных цветов наводил на него уныние, и когда, случалось, дамы приносили ему цветы, он через несколько минут после их ухода молча выносил их в другую комнату.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Он, между прочим, особенно любил цветущие яблони и вишни, и в своей пьесе «Вишневый сад» больше всего ценил ее название. Цветение фруктовых деревьев вызвало в нем какие-то радостные ассоциации – может быть, сады его детства в южном городке, но когда он смотрел на бело-розовые яблони, у него были ласковые и счастливые глаза.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова:

С помощью сестры, Марии Павловны, Антон Павлович сам рисует план сада (в Ялте. – Сост.), намечает, где будет какое дерево, где скамеечка, выписывает со всех концов России деревья, кустарники, фруктовые деревья, устраивает груши и яблони шпалерами, и результатом были действительно великолепные персики, абрикосы, черешни, яблоки и груши. С большой любовью растил он березку, напоминавшую ему нашу северную природу, ухаживал за штамбовыми розами и гордился ими, за посаженным эвкалиптом около его любимой скамеечки, который, однако, недолго жил, так же как березка: налетела буря, ветер сломал хрупкое белое деревце, которое, конечно, не могло быть крепким и выносливым в чуждой ему почве. Аллея акаций выросла невероятно быстро, длинные и гибкие, они при малейшем ветре как-то задумчиво колебались, наклонялись, вытягивались, и было что-то фантастическое в этих движениях, беспокойное и тоскливое... На них-то всегда глядел Антон Павлович из большого итальянского окна своего кабинета. Были и японские деревья, развесистая слива с красными листьями, крупнейших размеров смородина, были и виноград, и миндаль, и пирамидальный тополь – все это принималось и росло с удивительной быстротой благо-

⁴ «Красненькие» и «синенькие» – разговорные названия десяти- и пятирублевых купюр, по цвету ассигнаций. – Сост.

даря любовному глазу Антона Павловича. Одна беда – был вечный недостаток в воде, пока наконец Аутку не присоединили к Ялте и не явилась возможность устроить водопровод.

Антон Павлович Чехов. *Из письма М. П. Чеховой. Ялта, 14 марта 1899 г.:*

Вчера и сегодня я сажал на участке деревья и буквально блаженствовал, так хорошо, так тепло и поэтично. Просто один восторг. Я посадил 12 черешен, 4 пирамидальных шелковицы, два миндаля и еще кое-что. Деревья хорошие, скоро дадут плоды. И старые деревья начинают распускаться, груша цветет, миндаль тоже цветет розовыми цветами. Птицы, по дороге на север, ночуют здесь в садах и поутру кричат, например дрозды.

Борис Александрович Лазаревский:

Однажды одна ялтинская поклонница Чехова принесла ему много цветов. Антон Павлович залюбовался ими и, обращаясь ко мне, сказал:

– Вот, знаете, кто не любит цветов, детей и собак, тот – или дурак, или злой человек...

С братьями меньшими

Исаак Наумович Альтшуллер:

Чехов любил животных.

Мария Тимофеевна Дроздова:

Антон Павлович любил наблюдать перелет птиц. В перерыве работы подойдет к окну, улыбнется, увидев какого-нибудь щегла, радостно подзовет всех посмотреть. Деревья, небо, птицы были для него радостью.

Антон Павлович Чехов. *Из письма Н. А. Лейкину. Москва, 10 декабря 1890 г.:*

Из Цейлона я привез с собою в Москву зверей, самку и самца <...>. Имя сим зверям – мангус. Это помесь крысы с крокодилом, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернилицы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормозят дамские прически, вообще ведут себя, как два маленьких черта, очень любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах; они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем «мунго».

Антон Павлович Чехов. *Из письма И. Л. Леонтьеву (Щеглову). Москва, 10 декабря 1890 г.:*

Ах, ангел мой, если б Вы знали, каких милых зверей привез я с собою из Индии! Это – мангусы, величиною с средних лет котенка, очень веселые и шустрые звери. Качества их: отвага, любопытство и привязанность к человеку. Они выходят на бой с гремучей змеей и всегда побеждают, никого и ничего не боятся; что же касается любопытства, то в комнате нет ни одного узелка и свертка, которого бы они не развернули; встречаясь с кем-нибудь, они прежде всего лезут посмотреть в карманы: что там? Когда остаются одни в комнате, начинают плакать.

Михаил Павлович Чехов:

Оказалось, что, кроме мангуса, брат Антон вез с собой в клетке еще и мангуса-самку, очень дикое и злобное существо, превратившееся вскоре в пальмовую кошку, так как продавший ее ему на Цейлоне индус попросту надул его и продал ее тоже за мангуса.

Александр Иванович Куприн:

Надо заметить, что Антон Павлович очень любил всех животных, за исключением, впрочем, кошек, к которым он питал непреодолимое отвращение. Собаки же пользовались его особым расположением. О покойной Каштанке, о мелиховских таксах Броне и Хине он вспоминал так тепло и в таких выражениях, как вспоминают об умерших друзьях. «Славный народ – собаки!» – говорил он иногда с добродушной улыбкой.

Антон Павлович Чехов. *Из письма Н. А. Лейкину. Мелихово, 16 апреля 1893 г.:*

Вчера наконец прибыли таксы, добрейший Николай Александрович. Едучи со станции, они сильно озябли, проголодались и истомились, и радость их по прибытии была необычайна. Они бегали по всем комнатам, ласкались, лаяли на прислугу. Их покормили, и после этого они стали чувствовать себя совсем как дома. Ночью они выгребли из цветочных ящиков землю с посеянными семенами и разнесли из передней калоши по всем комнатам, а утром, когда я прогуливал их по саду, привели в ужас наших собак-дворян, которые отродясь еще не видали таких уродов. Самка симпатичнее кобеля. У кобеля не только задние

ноги, но и морда и зад подгуляли. Но у обоих глаза добрые и признательные. Чем и как часто Вы кормили их? Как приучить их отдавать долг природе не в комнатах? и т. д. Таксы очень понравились и составляют злобу дня.

Антон Павлович Чехов. *Из письма Н. А. Лейкину. Мелихово, 4 августа 1893 г.:*

Таксы Бром и Хина здравствуют. Первый ловок и гибок, вежлив и чувствителен, вторая неуклюжа, толста, ленива и лукава. Первый любит птиц, вторая – тычет нос в землю. Оба любят плакать от избытка чувств. Понимают, за что их наказывают. У Брома часто бывает рвота. Влюблен он в дворняжку. Хина же – все еще невинная девушка. Любят гулять по полю и в лесу, но не иначе, как с нами. Драть их приходится почти каждый день: хватают больных за штаны, ссорятся, когда едят, и т. п. Спят у меня в комнате.

Александр Иванович Куприн:

Во дворе (ялтинского дома Чехова. – Сост.) жили: ручной журавль и две собаки. <...>

Журавль был важная, степенная птица. К людям он относился вообще недоверчиво, но вел тесную дружбу с Арсением, набожным слугой Антона Павловича. За Арсением он бегал всюду, по двору и по саду, причем утомительно подпрыгивал на ходу и махал растопыренными крыльями, исполняя характерный журавлиный танец, всегда смешивший Антона Павловича.

Одну собаку звали Тузик, а другую – Каштан, в честь прежней, исторической Каштанки, носившей это имя. Ничем, кроме глупости и лености, этот Каштан, впрочем, не отличался. По внешнему виду он был толст, гладок и неуклюж, светло-шоколадного цвета, с бессмысленными желтыми глазами. Вслед за Тузиком он лаял на чужих, но стоило его поманить и почмокать ему, как он тотчас же переворачивался на спину и начинал угодливо извиваться по земле. Антон Павлович легонько отстранял его палкой, когда он лез с нежностями, и говорил с притворной суровостью:

– Уйди же, уйди, дурак... Не приставай.

И прибавлял, обращаясь к собеседнику, с досадой, но со смеющимися глазами:

– Не хотите ли, подарю пса? Вы не поверите, до чего он глуп.

Но однажды случилось, что Каштан, по свойственной ему глупости и неповоротливости, попал под колеса фаэтона, который раздавил ему ногу. Бедный пес прибежал домой на трех лапах, с ужасающим воем. Задняя нога вся была исковеркана, кожа и мясо прорваны почти до кости, лилась кровь. Антон Павлович тотчас же промыл рану теплой водой с сулемой, присыпал ее йодоформом и перевязал марлевым бинтом. И надо было видеть, с какой нежностью, как ловко и осторожно прикасались его большие милые пальцы к ободранной ноге собаки и с какой сострадательной укоризной бранил он и уговаривал визжавшего Каштана:

– Ах ты, глупый, глупый... Ну, как тебя угораздило?.. Да тише ты... легче будет... дурачок...

Исаак Наумович Альтшуллер:

Когда я увидел, с какой заботливостью он ухаживал за раненым Каштаном, как внимательно, по всем правилам хирургического искусства, перевязывал его разодранную лапу и с какими при этом ласковыми словами к нему обращался, я понял, почему такой удивительной вышла у него «Каштанка». И когда он, поведя серьезную войну против мышей, брал из мышеловки осторожно за хвост попавшуюся мышь и спускал ее через низкий забор на кладбищенский участок, то я уверен, что мышь только посмеивалась и, наверное, в ближайшую же ночь перебиралась обратно на дачу к своему врагу.

Александр Иванович Куприн:

Приходится повторить избитое место, но несомненно, что животные и дети инстинктивно тянулись к Чехову. Иногда приходила к А. П. одна больная барышня, приводившая с собою девочку лет трех-четырех, сиротку, которую она взяла на воспитание. Между крошечным ребенком и пожилым, грустным и больным человеком, знаменитым писателем, установилась какая-то особенная, серьезная и доверчивая дружба. Подолгу сидели они рядом на скамейке, на веранде; А. П. внимательно и сосредоточенно слушал, а она без умолку лепетала ему свои детские смешные слова и путалась ручонками в его бороде.

Мария Тимофеевна Дроздова:

У меня часто спрашивают: почему в письмах Антона Павловича Чехова упоминается о передаче мне почтовых марок, вложенных в письма Марии Павловне. Это собрание Антоном Павловичем марок для меня началось по следующему случаю. Как-то на каникулы я ездила домой на юг и возвращалась обратно в Москву. Провожая меня на станцию железной дороги, мой одиннадцатилетний братишка, ученик 2-го класса гимназии, прощаясь, сунул мне в карман осеннего пальто что-то аккуратно завернутое в белую бумагу с просьбой передать эту вещь Антону Павловичу. Проезжая мимо станции Лопасня, я поспешила сойти и на несколько дней заехала в Мелихово к Чеховым. Только за ужином я вспомнила о подарке моего брата и передала его Антону Павловичу. Чехов развернул пакетик – там оказался небольшой журнальчик, размером в небольшую детскую книжку. Что там было написано, я уже не помню, но все было очень тщательно, с любовью сделано, подражая настоящему журналу, со всеми его отделами. Видно было, как сильно хотелось маленькому автору сделать приятное Антону Павловичу.

Антон Павлович сейчас же послал ему свой рассказ «Каштанка» со своей надписью.

Как-то в феврале 1898 года, когда я гостила в Мелихове, пришли от Антона Павловича из Ниццы, где он был в то время, две посылки: одна Марии Павловне и другая на мое имя – посылочка величиной с кубический вершок, тщательно упакованная, зашита. В посылочке, которая всех нас рассмешила своими игрушечными размерами, оказались почтовые марки со всех концов мира, откуда Антон Павлович получал письма. Все это предназначалось моему братишке.

Борис Александрович Лазаревский:

Чехов относился к детям не как к «маленьким дурачкам» и говорил с ними не как с существами, созданными для забавы взрослых, а как с людьми, у которых на все своя оригинальная точка зрения.

Антон Павлович с любовью рассказывал мне об одном мальчике:

– Сидит он за столом, выводит букву за буквой и сопит...

Чехов прошелся взад и вперед по кабинету, посмотрел в окно и добавил:

– И уши у него торчат, – вот так...

Охотник, рыболов, грибник

Алексей Алексеевич Долженко:

На самом краю города (Таганрога. – Сост.) находилось кладбище, за которым началась степь. Здесь на земле можно было наблюдать много круглых отверстий. Это норы тарантулов. Для чего это нам было нужно, я теперь припомнить не могу, но тогда ловле тарантулов мы отдавали много энергии. Главным инициатором ловли как всегда был Антон, выдумавший для этой цели специальный способ. Все мы имели при себе аптечные баночки, наполненные деревянным маслом, и специальные удочки, состоящие из небольшой палочки, к которой была привязана довольно длинная нитка, а на конце нитки был прикреплен шарик из воска. Размер шарика был такой, чтобы он мог свободно пройти в нору тарантула.

Самая ловля заключалась в следующем: баночки с маслом ставились около норы. В отверстие опускался шарик из воска. Как только шарик доходил до дна, тарантул, разоренный появлением непрошеного гостя, с яростью цеплялся лапами в воск и тянул шарик на себя, вызывая подергивание, державший в руке удочку тотчас же вынимал шарик с вцепившимся в него тарантулом и сразу опускал его в масло. В масле, вследствие отсутствия воздуха, тарантул сразу погибал. Большое количество наловленных тарантулов почему-то считалось у нас особенной доблестью.

Владимир Германович Тан-Богораз (1865–1936), писатель, поэт, этнограф, лингвист, соученик А. П. Чехова по таганрогской гимназии:

За Чеховским домом (в Таганроге. – Сост.) прежде находился небольшой пустырь, который в то время назывался «имение куриного царя». На краю этого пустыря ютился старик, разводивший кур. Пустырь зарос бурьяном и дикой коноплей. На этом пустыре Чехов с братьями ловил щеглов силком «на принаду». Ловля щеглов на принаду – это южный степной спорт. Чехов увлекался им, даже будучи студентом.

Алексей Алексеевич Долженко:

Будучи уже гимназистом, Антон Чехов очень любил ловить рыбу. На ужение мы ходили в Таганрогскую гавань. Обычно было нас четверо: Чеховы – Антон, Николай, Иван и я. Ловили мы преимущественно бычков. Антон умел добиваться удачной ловли. Он изобрел специальные поплавки, изображающие человека, у которого руки поднимались и опускались во время ловли рыбы. Это указывало, какого размера рыба попала на крючок. Если человек в воде по пояс, то, значит, попалась небольшая рыбка, если по плечи – то средняя, если с головой и руки подняты вверх, то, значит, крупная рыба, и ее нужно вынимать умючи. В таком случае Антон не доверял нам и вынимал сам. Поплавки он делал из особого дерева, похожего на пробку, которое брал у местных рыбаков.

Отправляясь на рыбную ловлю, мы брали с собой сковородку и все необходимое для стряпни, а иногда Антон захватывал свое любимое сантуринское вино. Такая обстановка рыбной ловли особенно нам нравилась.

Иван Алексеевич Белоусов (1863–1930), поэт, мемуарист, член литературного кружка «Среда»:

Антон Павлович Чехов любил рыбную ловлю не так, как другие, а по-своему: он не был похож на тех рыболовов-охотников, цель которых состояла в том, чтобы как можно больше и крупнее наловить рыбы, – он любил просто на солнышке посидеть с удочкой на берегу, отдохнуть, помечтать, а может быть, в тишине обдумать план какой-нибудь литературной работы, – а какая рыба ему попадется на крючок – ему было все равно; за большим он

не гнался, а довольствовался окуньками, голавликами, пескарями; последних он особенно любил, и однажды учил меня, как надо поджаривать пескарей:

– Знаете, если их смазать яйцом да обвалить в сухарях и поджарить так, чтобы корочка хрустела, – это будет великолепная закуска. <...>

Куда бы ни приезжал Антон Павлович, его прежде всего интересовала вода – река, пруды, озера, где бы водилась рыба.

Александр Николаевич Тихонов:

С утра до вечера мы сидели под глинистым откосом, у темного омута, и с увлечением ловили окуней, иногда попадались и щуки. <...>

– Чудесное занятие! – говорил Чехов, поплеывая на червяка. – Вроде тихого помешательства. И самому приятно, и для других не опасно. А главное – думать не надо... Хорошо!

Николай Дмитриевич Телешов:

В Аутке, где он был уже серьезно больным и где среди красот южной природы, среди вечнозеленых кипарисов и цветущих персиков, любил помечтать о московском сентябрьском дождичке, о березах и ветлах, об илистом пруде с карасями, о том, как хорошо обдумывать свои повести и пьесы, глядя на поплавок и держа в руке удочку.

Иван Алексеевич Белоусов:

Он не раз говорил мне: «Я думаю, что многие лучшие произведения русской литературы задуманы за рыбной ловлей».

Михаил Павлович Чехов:

Большой любитель собирать грибы, Антон Павлович каждое утро обходил свои собственные места (в Мелихове. – Сост.) и возвращался домой с горстями белых грибов и рыжиков. За ним всегда следовали его собаки Хина и Бром.

Мария Тимофеевна Дроздова:

Вся усадьба замыкалась большой лужайкой, обсаженной старыми плакучими березами, под которыми водились белые грибы, а дальше вместо забора были еще посадки молодых елей, где в изобилии водились рыжики. Антон Павлович очень любил собирать рано по утрам грибы.

Антон Павлович Чехов. *Из письма А. С. Суворину. Мелихово, 8 апреля 1892 г.:*

У меня гостит художник Левитан. Вчера вечером был с ним на тяге. Он выстрелил в вальдшнепа; сей, подстреленный в крыло, упал в лужу. Я поднял его: длинный нос, большие черные глаза и прекрасная одежда. Смотрит с удивлением. Что с ним делать? Левитан морщится, закрывает глаза и просит с дрожью в голосе: «Голубчик, ударь его головкой по ложу...» Я говорю: не могу. Он продолжает нервно пожимать плечами, вздрагивать головой и просить. А вальдшнеп продолжает смотреть с удивлением. Пришлось послушаться Левитана и убить его. Одним красивым, влюбленным созданием стало меньше, а два дурака вернулись домой и сели ужинать.

Антон Павлович Чехов. *Из письма М. Горькому. Мелихово, 9 мая 1899 г.:*

Охоту с ружьем когда-то любил, теперь же равнодушен к ней.

Интересы, увлечения и развлечения

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

Читал много, но не запойно, и почти только беллетристику.

Михаил Павлович Чехов:

Антон Павлович питал любовь к книгам. Кропотливо, изо дня в день он собирал всевозможные книги, привозил с собою целые ящики из столицы, и в Мелихове у него составила большая библиотека. В 1896 году он пожертвовал ее родному городу Таганрогу для общественной библиотеки.

Александр Семенович Лазарев:

Несмотря на наружную сдержанность, в характере Чехова было много азарта, страсти, увлечения тем делом, за которое он брался. С увлечением он ухаживал за своими цветами в Мелихове, с увлечением играл в крокет в Бабкине – помню, иногда партия затягивалась, на землю опускались густые сумерки, но Чехов не хотел бросать игры, и мы с Киселевым кончали партию, подставляя зажженные спички к невидимым шарам.

Владимир Иванович Немирович-Данченко:

В воспоминаниях о Мелихове хранятся очень оживленные дни и вечера, с непрерывными шутками, пением, художественными эскизами и прогулками. А когда такие развлечения исчерпывались, играли в лото. Лото Чехов любил, а в последние годы заменил его пасьянсом. В среде близких есть даже пасьянс, так называемый чеховский. <...> Во время лото, конечно, сыпались непрерывные шутки. В лото играли все: вся семья и гости.

Игнатий Николаевич Потапенко:

Монте-Карло производило на него удручающее впечатление, но было бы неправдой сказать, что он остался недоступен его отраве.

Может быть, отчасти я заразил его своей уверенностью (тогда была у меня такая), что есть в игре этой какой-то простой секрет, который надо только разгадать – и тогда... Ну, тогда, конечно, выступала главная мечта писателя: работать свободно и никогда не думать о гонораре, о зарплате, не связывать литературную работу с вопросом о средствах к жизни. Чехов мечтал об этом не меньше, чем я и всякий другой.

И вот он – трезвый, рассудительный, осторожный – поддался искушению. Мы накупили целую гору бюллетеней, даже маленькую рулетку, и по целым часам сидели с карандашами в руках над бумагой, которую исписывали цифрами. Мы разрабатывали систему, мы искали секрет.

Однажды мы его нашли и поехали в Монте-Карло с точно определенным планом. Игра была маленькая, осторожная, и тем не менее, окончив ее, мы недосчитались пары сотен франков.

Опять бюллетени, снова карандаши и цифры. Подходили к делу с другой стороны, вновь ехали в Монте-Карло и пробовали. Одно время казалось, что мы нащупали верный путь. Выиграли раз, другой. Но на третий – неблагоприятное стечение обстоятельств, – и все полетело вверх дном.

В то время я, конечно, не занимался наблюдениями над ним. Я сам гораздо больше, чем он, мог бы быть объектом наблюдения; но когда припоминал все это, то как будто не узнавал обычно спокойного, сдержанного, рассудительного, уравновешенного Антона Павловича.

Кто из знавших его поверит, что в нем жил азарт? А между тем он углублялся в цифры, старался проникнуть в сущность этих странных комбинаций, разгадать их тайну. Мы спорили, каждый предлагал свою систему и защищал ее. У него являлись остроумные мысли в этой области, и главное – что волнение его было чисто спортивное, так как он проигрывал, в сущности, пустяки.

Но, однако же, в этом не было ничего трезвого. Поверить даже на минуту, что в случайных комбинациях номеров, цветов и всяких других шансов могут быть отысканы какие-то законы, – для этого, конечно, нужна была известная доля безумия, которое владеет игроками, делает их слепыми и приводит к гибели.

И вот он, как казалось, поставивший своей задачей трезвость, разумное отношение к жизни, человек несомненно сильной воли, в течение десяти дней верил в это, то есть допускал для себя капельку безумия. <...>

Дней десять длилось его увлечение рулеткой. Он перестал принимать во внимание мои мнения и сам разрабатывал какие-то способы. Иногда он на мой зов поехать в Монте-Карло отвечал отказом. Я ехал один, но, смотришь, через час он появлялся, несколько как будто сконфуженный, становился у одного из столов и долго присматривался, наблюдал, видимо проверяя свою мысль, а потом садился и, осторожно вынимая из кармана золотые, ставил их как-то по-новому.

Кажется, что в результате всех этих попыток был у него небольшой выигрыш. Это и есть тот опасный момент, когда игрок слепнет и с головой зарывается в игру. А у него вышло иначе. Однажды он определенно и твердо заявил, что с рулеткой покончено: и действительно, после этого ни разу больше не поехал туда. Взяли силу его обычные качества – благоразумие, осторожность, уравновешенность, а главное – ему стало стыдно увлекаться и отдавать силы таким пустякам.

Мария Тимофеевна Дроздова:

Чехов сам любил путешествовать и не раз уговаривал меня поехать в те места, которые особенно чем-нибудь его поразили, – например, в Бермамыт на Северном Кавказе – и обязательно с вершины горы увидеть восход солнца. Еще он просил меня съездить на Соловецкие острова по Северной Двине и Белому морю.

Алексей Сергеевич Суворин:

И в Петербурге, и в Москве он любил до странности посещать кладбища, читать надписи на памятниках или молча ходить среди могил. <...>

Кладбища за границей его везде интересовали.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник:

Нарочитой красоты, красивости он не терпел, не любил ничего пафосного <...>.

Пафос и романтизм Чехов признавал и отдавался их очарованию только в музыке. Тут границ и запретов не было. Он возил меня к соседям по имению, родственникам поэта Фета, только затем, чтобы послушать Бетховена: хозяйка дома превосходно играла. И когда он слушал Лунную сонату, лицо его было серьезно и прекрасно. Он любил Чайковского, любил некоторые романсы Глинки, например, «Не искушай меня без нужды», – и очень любил писать, когда за стеной играли или пели. «Серенада» Брага, которую пела Лика под аккомпанемент рояля и скрипки, нашла отражение в его «Черном монахе»...

Александра Александровна Хотяинцева:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.